

Арат Солийский

НЕБЕСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Перевод и комментарии А.А.Россиуса

Из сборника «Небо, наука, поэзия. Античные авторы о небесных светилах,
об их именах, восходах, заходах и приметах погоды», М., МГУ, 1997

Арат Солийский Небесные явления

1 С Зевса начнем. Никогда мы, смертные, не оставляем
Ненареченным его — он всюду: им полны дороги,
Полны собранья людей всевозможные, полно им море
И берега — мы все и везде обращаемся к Зевсу:

5 Мы ведь порода его, — а он, опекая потомство,
Знаменья верные шлет и к труду понуждает народы,
Помнить веля о насущном: речет им, когда ожидает
Почва волов и мотыги, когда приближается время
В пашню бросать семена и в поле окучить посадки.

10 Кто, как не Зевс, в небесах утвердил самолично приметы,
Рассредоточив созвездья; на все протяжение года
Звезды предусмотрел, которые точно укажут
Людям пределы времен, чтоб все прозябало исправно.
Вот почему он и первый всегда, и последний в молитвах.

15 Радуйся, отче, великая тайна и благо для смертных;
Радуйся, первых людей поколение; радуйтесь Музы
Медоточивые. Вас я молю: до конца направляйте
Песнь мою, да смогу по достоинству чествовать звезды.

Множество их по различным путям совокупно влекутся

20 Вместе со сводом небес — непрестанно, вседневно и вечно.
Но не смещаясь отнюдь, напротив, в недвижности косной
Ось утвердилась; надежно она в равновесии Землю
Посередине хранит и стремится небеса круговратно.
Остиями ограничена ось обоюдосторонне:

25 Южное скрыто от глаз, супротив обозримо другое —
С севера над Океаном. Вокруг две *Медведицы* рядом
Связно с осью бегут, за что и прозвали их «Возы».

Головы держат они неизменно у чресел друг друга,
Плечи одной с плечами другой расположены вровень,

25 Южное скрыто от глаз, супротив обозримо другое —
С севера над Океаном. Вокруг две *Медведицы* рядом
Связно с осью бегут, за что и прозвали их «Возы».

Головы держат они неизменно у чресел друг друга,
Плечи одной с плечами другой расположены вровень,

30 В стороны смотрят, однако, противные. Ежели верить,
С Крита они вознеслись по велению великого Зевса
В небо, в награду за то, что оно — в бытность младенцем —
Подле отрогов идейских на благоухающей Дикте
Скрыли в пещере и там в течение года питали;

35 А между тем отвлекали Куреты диктейские Крона.
Их различая, одну *Киносурой* наименовали,
Гелика — имя другой. По Гелике мужи ахейцы
В море открытом судов, направление определяют,
А финикийцы простор бороздят, Киносуре вверяясь.

40 Верно, что Гелики ясной легко угадать очертанья:
Полностью зрима она тотчас с наступлением ночи;
Но Киносура, хотя и мала, удобнее кормчим,
Ибо по меньшему кругу она совершает вращенье:
Именно с ней безошибочный путь сверяют сидонцы.

45 Между Медведицами, подобно потоку речному,
Вьется — великое диво! — *Дракон*, извернувший бессчетно
Тело. А те с обеих сторон от изгибов несутся,
Остерегаясь касаться чернеющих вод Океана.
Краем хвоста достигает Дракон одной из Медведиц

50 И обвивает кольцом другую: хвоста окончность
Над головой замерла у Гелики, а Киносура
Держит в изгибе чело, и вьется драконово тело
Окрест ее головы, добираясь до лапы, откуда
Вдруг поворачивается вспять и обратно стремится. Нимало

55 Звездами змея глава не обделена, но сияют
Две на висках и две на глазах, и единая снизу
Край украшает браны устрашающего исполина.
Наклонена его голова, словно он озирает
Гелики хвост, который черта безупречно прямая

60 С пастью и правым виском драконовым соединяет.
Там по поверхности вод его голова проплывает,
Где воедино слились с восхождением пределы заката.
В этой же части небес обращается изображение
Мужа страдающего. Ни кто он, сказать невозможно,

65 Ни для какого труда вознесен: его называют
Просту «*Тот на коленях*». Неведомым отягощенный
Бременем, он на коленях стоит; с обоими вровень
Руки плечами простер в огромном саженом размахе,
А окончностью правой стопы наступает он сверху

70 На середину главы извивающегося Дракона.
Неподалеку *Венец*, утвержденный Дионисом в небе
В поминоенье светить упокоившейся Ариадны,
Круговращенье влачит под спиною согбенного мужа.
Подле спины истукана — Венец, а рядом с главою

75 Голову можешь узреть змеедержцеву, вслед за которой
И самого различишь сияющего *Змеедержца* —
Столь под его головой лучезарными видятся плечи.
Оные — даже когда в полнолуние месяц вступает —
Явственно все же видны, а руки меркнут пред ними,

80 Ибо ущербного лишь удостоились обе сиянья.
Но и они различимы, не будучи вовсе ничтожны.

Их отягчает Змея, которая вкруг Змеедержца
 Перевилась, но стоит упорно и неколебимо
 Муж сей, ногами поправ *Скорпиона*, огромного зверя:
 85 Прямо на панцирь ему он ступил, сокрушая глазницы.
 А на руках у него *Змея* обращается в небе:
 В правой — малая часть, а большая — в поднятой левой.
 Край бороды в направленье *Венца* Змея устремляет,
 А под изгибом ее *Клешни* необъятные узришь.
 90 Впрочем, за скудостью звезд, они не особенно ярки.
 Гелике мчится вослед, как будто ее погоняя,
Арктофилак — у людей именуется он Волопасом,
 Ибо, как кажется им, он правит Медведицей- Возом.
 Явствен весьма свет всех его звезд, но особенно славен
 95 Между другими *Арктур*, на поясе ярко горящий.
 Се Волопас. Под стопами его ты можешь увидеть
Деву — в руке у нее блистательный Колос сверкает.
 Семя ль Астрея она, которого древние люди
 Мнили родителем звезд, другого ли — стоит ли спорить? —
 100 Пусть безмятежно по небу несется. Но ведомо смертным
 Слово иное — что древле она на Земле пребывала.
 Людям навстречу тогда выходила она невозбранно,
 Сонмами древних мужей и жен не гнушаясь нисколько,
 И к очагу среди смертных — бессмертная Дева! — садилась.
 105 Правдой ее называли. Она, собирая старейшин,
 То ли на площади, то ль на широкопространной дороге,
 Ревностно установленья народодержавные пела.
 Бедственной ненависти в то время еще не знавали,
 Спора позорящего, ниже громыхающей брани.
 110 Жительство было простым: о море коварном покуда
 Не помышляли; суда не везли издалека прожитка,
 Но в изобилии всё доставляли волы им и плуги
 И госпожа их, сама справедливость дарящая Правда.
 В пору ту золотое Земля лелеяла племя.
 115 Новый, серебряный род лишь изредка был удостоен
 Видеть ее: тосковала она по обычаям прежним.
 Но и серебряный век не вовсе был Правдой покинут:
 С гор отголосчивых в час предвечерний она нисходила
 И, человека дичась, не дарила приветливой речью,
 120 Но, заставляя людей собраться на холмах высоких,
 Горестно их упрекала, на их указуя злонравье,
 И говорила, что впредь на призывы не будет являться:
 «Сколь золотые отцы оставили худшее племя
 После себя, но вы — порочнейших чад породите.
 125 Будут и войны уже между человеков, и будет
 Литься враждебная кровь, и к пороку приложится мука».
 Вымолвив так, поспешила к горам, а толпы людские,
 Ею покинутые, за ней еще взглядом следили.

Но поколение ушло и это. И вот, народилось
 130 Медное племя, мужи преступнее бывшие прежних.
 Был ими выкован меч, дорожный убийца, впервые,
 И покусились они на мясо вола-нивопашца.
 Этих людей поколеньем вознегодовавшая Правда
 В небо тогда вознеслась и там, наконец, поселилась,
 135 Где среди ночи она и поныне является людям
 Девою, недалеко от блистательного Волопаса.
 В небе ночном над плечами ее звезда различима
 [Рядом с правым крылом, зовется она «*Виноградарь*»]:
 Напоминает она и величиною, и блеском
 140 Ту, что ниже хвоста Большой Медведицы светит:
 Яркое Медведицы свет, и так же в ее окружение
 Яркие светила. Узревшему их гадать не придется,
 Где же она — возле лап у нее столь звезды велики:
 Перед плечами одна, другая, напротив, у чресел,
 145 Третья у задних колен. Но все они поодиночке,
 Каждая в месте своем, безмянными по небу мчатся.
 Под головой у нее — *Близнецы*, посредине, под чревом
Рак, а *Лев* позади, под лапами ярко сияет.
 Солнечный путь отмечает среди них вершинную точку
 150 Лета: уже без колосьев стоят опустелые пашни
 В пору, когда еще только ко Льву приближается Солнце.
 Летние ветры тогда, на открытое море обрушась,
 Неукротимо ревут: не время уж плавать на веслах;
 Мне по душе бы пришлось отныне просторное судно,
 155 Так, чтобы по ветру руль направил испытанный кормчий.
 Если *Возничего* ты решил наблюдать и Возницы
 Звезды, и если тебя молва о *Козе* и *Козлятах*
 Не миновала, о тех, что на грозно бушующем море
 В бурю видали не раз моряков, потерпевших крушение, —
 160 Знай, как его отыскать: он широко раскинулся слева
 От *Близнецов*; пред *Геликой* верх головы его виден;
 Мчит он на левом плече Козу священную в небе,
 Что, по преданью, дала от сосцов своих Зевсу кормиться:
 Зевса пророки ее *Налокотной Козой* называют.
 165 Яркое созвездье Козы и обширно, однако *Козлята*
 Светят едва различимо на кисти руки у *Возницы*.
 Подле *возничевых* стоп рогатый *Телец* протянулся —
 Тут ты его обретешь: составились в точном подобье
 Звезды, наглядно главу обозначив. Тебе не придется
 170 Голову бычьью искать по прочим созвездьям, настолько
 Образ с обеих сторон безошибочный создали звезды.
 Их имена — на устах: отнюдь не безвестны *Гиады*,
 Что на тельцовом челе рассыпаны щедро. Вершину
 Левого рога *Тельца* и соседнего с оным *Возницы*
 175 Правую ногу одна и та же звезда укрывает:

Так и несутся они в совместном движении по небу,
Но неизменно Телец Возничего опережает,
Мир покидая, хотя с ним единовременно всходит.

Многострадальной семье Иасида Кефея нисколько
180 Не угрожает безвестье — ведь имя их, следом за ними,
На небеса перешло: сказалось родство с громовержцем.
Вот почему позади Киносуры-Медведицы виден
Руки простиерший *Кефей*. От края хвоста Киносуры
Можно прямые черты протянуть к кефеевым стопам,
185 Равные с третьей чертой, от стопы до стопы пробежавшей.
Стоит слегка отвести от кефеева пояса взоры,
И обретишь начальный изгиб извитого Дракона.

Перед Кефеем влачит обращение *Кассиопея*,
Горестный лик — не слишком она в полнолуние заметна:
190 Немногочисленны звезды, которые слабым мерцанием
Красноречиво пределы созвездия обозначают.
Словно бы ключ, которым засов изнутри затворенной
Двери двустворчатой те, кто стучатся в нее, отворяют, —
Образ, подобный сему, разобщенные между собою
195 Звезды являют очам. От неярких плечей простирает
Руки она, как будто скорбит о дочери милой.

Ибо несется под ней изваянье, достойное скорби:
Возле родительницы сверкающая *Андромеда*.
Ночь озирать, чтоб увидеть ее, не придется подолгу —
200 Столь примечательный свет ее голова излучает,
Плечи, окраины стоп и усеянный звездами пояс.
Но и на небе она хранит распростертыми руки,
Ибо и там не спадают с нее оковы, в которых
Изо дня в день, ладони воздев, *Андромеда* восходит.

205 Возле нее в вышине обращается *Конь исполинский*,
Чревом примкнув к голове: одно и то же светило
Пуп освещает *Коня* и вершину главы *Андромеды*.
Три другие звезды у *Коня* на боках и загривке
Между собой отмечают тождественные промежутки.

210 И велики и прекрасны они: по сравнению с ними
Бледны его голова и долгая шея, однако
Первенство всех четырех, упомянутых выше, оспорить
Может звезда на краю пламенеющего подбородка.
В небе священный скакун не четвероногим остался:
215 Лишь половина его, начиная с пупа, различима.
Именно он, говорят, на вершине крутой *Геликона*
Некогда путь отворил животворной воде *Гиппокрены*.
Ибо источник не бил из главы *Геликона*, доколе
Конь не ударил ее — и брызнула ясная влага
220 Из-под передних копыт. Пастухи же, свидетели чуда,
Первыми воду сию *Гиппокреной* наименовали.
Этот родник бежит из скалы, и вдали от *феспийцев*

Ты не увидишь его, но Конь во владениях Зевса
Круговращенье вершит, для всякого взора доступный.

225 Там же стремительный путь *Овна* пролегает. Гонимый
Вдоль поднебесных кругов протяженнейших, он быстрою
Даже самой Киносуре-Медведице не уступает.
Сам по себе он едва различим и звездами беден,
Если смотреть при Луне; но поможет тебе Андромеды

230 Пояс его отыскать: он прямо под ней расположен.
Свод необъятный небес Овен посреди попирает,
Там, где вершина Клеши и ремень Ориона восходят.
Есть невдали и другое созвездие под Андромедой:
Ежели три стороны измерить, получится *Дельта*, —

235 Точно сему соответствуют две, а третья длиною
Им уступает, зато ее без труда обнаружишь,
Ибо обилием звезд с ней мало созвездий сравнятся.
К югу от этих сторон светила Овна различимы.
А впереди, у самых ворот во владения Нота, —

240 *Рыбы*. Из них неизменно одна обгоняет другую:
Первою слышит она приближенье порывов Борея.
А от обоих хвостов начинаются словно бы цепи,
Тянутся с разных сторон и в одной сочetaются точке.
Цепи скрепляются здесь большой и прекрасной звездой,

245 В силу того получившей прозвание «Узел небесный».
Левое пусть для тебя плечо Андромеды приметой
Северной Рыбы, вблизи от нее расположенной, будет.
А оконечности стоп на супруга ее указуют:
Ведь не случайно они над плечами *Персея* несутся.

250 Он обращенье влачит на северном круге, где равных
Нет созвездий ему. Десница его протянулась
К тещину трону; в пылу погони он шаг исполинский,
Пылью блестящей покрыт, стремится по родителю Зевсу.
С левым бедром по соседству персеевым, все совокупно,

255 Мчатся *Плеяды*. Для всех небольшого пространства довольно,
И для прямых наблюдений они недостаточно ярки.
Семь отдельных путей им людская молва приписала,
Но человеческий глаз только шесть различает на небе.
Пусть не бывало еще на памяти смертного рода,

260 Чтобы безвестно звезда хоть единожды с Зевса исчезла,
Все-таки наперекор семерых называет преданье.
Их имена: Келено, Алкиона, Меропа, Электра,
Также Стеропа, Тайгета и с ними владычица Майя.
Тускл их свет, одинаково слаб, но волею Зевса

265 Славно явление их на заре и в вечернюю пору:
По мановенью его возвещают Плеяды начало
Лета, ненастной зимы, и пахоты верные сроки.
И *Черепаша* тускла. Едва с колыбелью простившись,
Панцирь ее пробуравил, Гермес и впредь называться

270 *Лирой* велел, водрузив близ Неведомого Истукана
 На небеса. А оный, согнув неверные ноги,
 Левым коленом ее касается; ровно напротив
 Птица вершину главы обращает: поэтому Лира
 Место нашла посреди, меж птичьей главой и коленом.
 275 Ибо и светлая *Птица* вращается с Зевсом совместно.
 Вся целиком невзрачна она, но верх ощетинен
 Звездами: пусть невелики они, но отнюдь не безвидны.
 Словно в безоблачный день наслаждаясь спокойным полетом,
 Мирно влечется она к другой стороне мирозданья.
 280 Правое тянет крыло к деснице кефеевой Птица,
 К левому Конь, застывший в прыжке, крылу примыкает.
 Там, за спиной скакуна, в небесах круговратно стремятся
 Рыбы, а подле главы *Водолей* простирает десницу.
 Он поднимается ввысь вослед *Козерогу*, который
 285 Путь впереди Водолея и ниже него совершает —
 В месте, где Солнца назад поворачивается сила святая.
 В месяце том избегай, выходя в открытое море,
 Судно на волю волнам отдавать. Особенно кратки
 Дни в эту пору, и много при свете пройти не успеешь;
 290 И, коль страшна тебе ночь, то помни: рассвет долгожданный
 Звать бесполезно, мольбы зарю ни на миг не приблизят.
 С юга губительный ветер налетает, когда с Козерогом
 Соединяется Солнце, и падает с Зевса внезапно
 Лютый мороз, моряка цепенящий. И все-таки ныне
 295 Круглый год непрестанно кипит под кормилами море:
 Словно нырливые чайки, нередко одну только воду
 С наших судов мы видим вокруг; мы ищем глазами
 Берег — но как далеко о него разбиваются волны!
 Тонкой доскою тогда отгорожены мы от могилы.
 300 И предыдущий сулит мореходу несчастья месяц,
 Солнцем когда опалается *Лук* и Лука хозяин:
 Ночи не веря, на сушу теперь возвращайся под вечер.
 Признаком этой поры и этого месяца знаком
 Пусть для тебя Скорпиона восход предутренний будет:
 305 Ибо у самого жала *Стрелец* напрягает огромный
 Лук — ненамного его Скорпион, восходя, упреждает,
 Вслед за которым и сам Стрелец появиться не медлит.
 Тою порой достигает глава Киносуры под утро
 Самой вершины небес; до зари успевает сокрыться
 310 Весь целиком Орион, а Кефей — от руки *и* до чресел.
 А впереди по небу *Стрела*, отдельно от лука,
 Мчится сама по себе. С ней рядом, но ближе к Борею,
 Птица простерла крыла. Другую пернатую здесь же
 Ветер несет: поменьше она, но восход ее грозен
 315 Перед зарей — не случайно ее *Орлом* называют.
 Под Козерогом *Дельфин*, весьма невеликий, влачитя.

Мраком сокрыта его середина, но, друг против друга,
Четверо ярких огней отмечают его очертанья.

Вот сочетания звезд, рассыпанных между Бореем

³²⁰ И солннопутьем. Но есть немало других, что свершают
Ниже восходы свои, меж дорогою Солнца и Нотом.

Наискосок *Орион* под обрубленным чревом тельцовым,
В небе вращаясь, лежит. И если прозрачную ночью
Взгляд твой минует его, в вышине распростертого, тщетно

³²⁵ Будешь ты твердь озирать, ища остальные созвездья.

А под спиной Ориона, когда он восходит над морем,
Стражник является *Пес*, на лапы передние ставший, —
Пестрый от звезд, но не ровным отнюдь наделенный сияньем:
Черен по брюхо; зато небывалым светилом отмечен

³³⁰ Кончик его бороды — настолько пронзительным жаром

Эта пылает звезда, что люди ей прозвище дали
«*Сириус*», В пору, когда совместно он с Солнцем восходит,
Чахлой листвою его обмануть не удастся деревьям:

Их разберет без труда по рядам безошибочным взором,

³³⁵ Даруя силу одним, у других всякий сок иссушая.

Ведомы нам и заходы его. А прочие звезды

Лишь очертания Пса отмечают едва различимо.

У орионовых ног бежит, от погони спасаясь,
Заяц изо дня в день; Неотступно по следу несется

³⁴⁰ Сириус: он, не отстав ни на шаг на восходе от Зайца,
Подстерегать остается его и после захода.

Рядом с хвостом великого Пса *Арго* совершает
Путь свой кормою вперед. Движенье ее необычно:

Носом назад несется она, как и вправду бывает,

³⁴⁵ Судно когда моряки, корму развернувши, к причалу

Гонят, и каждый из них корабль толкает, покуда

Берега он наконец кормовой стороной не зацепит, —

Так, кормою вперед, *Арго* ясонова мчится.

Неразличима она и звезд лишена, начиная

³⁵⁰ С носа и до парусов, но ярко сияет остаток.

Шествует *Пес* впереди, и кормило, лишенное скрепы,

Утверждено отдельно с кормой у лап его задних.

Хоть далеко впереди *Андромеда* простерта, однако
Неутомимо ее преследует *Кит* исполинский.

³⁵⁵ Под дуновеньем *Борея*, фракийского ветра, томится

Вечно она, но без усталости Нот ненавистного гонит

Ей навстречу *Кита*, лежащего ниже обеих

Рыб и *Овна* в небесах, над самую звездной Рекою.

Ибо действительно там, под ногами богов, обращенье

³⁶⁰ Малый остаток влачит *Эридана*, реки многослезной.

Он простирается вплоть до левой стопы Ориона:

Цепи, что рыбьих хвостов концы меж собою связуют,

Соединяются здесь, от стран приходя супротивных,

И, возле гривы Кита перепутавшись, тянутся дальше
³⁶⁵ Цепью единой, конец которой звезда увенчала,
 Прямо над первым шипом Кита утвержденная в небе.
 Между кормилом Арга и Китом обращаются звезды,
 Сонмы которых видны под ребрами серого Зайца;
 Будучи невелики и не замечательны светом,
³⁷⁰ Так и остались они *безымянными*, ибо не могут
 Расположеньем ничьих очертаний напомнить, в какие
 Сложено множество звезд, по путям неизменным бегущих
 В строгом порядке, меж тем как проносятся годы. Когда-то
 Выдумал знаки сии человек поколения былого,
³⁷⁵ Каждому имя найдя и точные дав очертанья.
 Он бы не смог ни назвать, ни узнать по отдельности звезды —
 Их ведь повсюду не счесть, друг с другом многие сходны
 Цветом и величиной, и движутся все круговратно.
 Вот почему он решил собрать в сочетанья светила,
³⁸⁰ Так, чтобы, расположась рядами, они создавали
 Изображенья. Тогда имена получили созвездья:
 Ныне восход ни единой звезды нас враспloch не застанет.
 Так меж собой скреплены, слагая за образом образ,
 Звезд большинство, кроме тех, что ниже гонимого Зайца
³⁸⁵ Бледными и безымянными путь в небесах продолжают.
 Под Козерогом скользит, в краях, овеваемых Нотом,
 Рыба, иная, чем те, о которых рассказано выше;
 Смотрит она на Кита, и зовут ее *Южною Рыбой*.
 Есть еще россыпи звезд, которые под Водолеем,
³⁹⁰ Между небесным Китом и Рыбой влачат обращенье;
 Обделены именами они за ничтожностью блеска.
 А невдали, одесную сияющего Водолея,
 Словно бы струйки воды расплескавшейся, по небу вьются
 Голубоватые и ничем не приметные звезды.
³⁹⁵ Но и среди них ты найдешь два достойных вниманья светила
 Видимых не далеко и не слишком близко друг к другу:
 И велико, и прекрасно одно — у ног Водолея,
 С иссиня-черным хвостом Кита по соседству — второе.
 Вместе их все называют *Водою*. А рядом с Водоем,
⁴⁰⁰ Ниже Стрельца, под копытами ног передних Стрельцовых
 Стайка неведомых звезд, колечком выстроясь, мчится.
 Под пламенеющим жалом чудовищного Скорпиона,
 С южной его стороны, воздвигнут *Жертвенник* в небе.
 Время, в которое ты в вышине созерцать его можешь,
⁴⁰⁵ Невелико, ибо он супротивно Арктуру восходит:
 Сколь высоко в небесах Арктура пути пролегают,
 Столь же торопится он в пучину на западе скрыться.
 Но, чтобы дать морякам достоверное знаменье бури,
 Древняя Ночь, о невзгодах людских проливавшая слезы,
⁴¹⁰ Жертвенник сей избрала. Корабли, разнесенные в щепки,

Были не по сердцу ей, и она отовсюду явила
 Знаменья, смертных шадя, произволу волны обреченных.
 Пусть же на море тебе никогда не придется увидеть,
 Как посреди темноты, на закутанном тучами небе
 415 Это созвездье одно немеркнувшим светом сияет,
 А над вершиной его облака громоздятся валами,
 Грозно сгущаясь над ней под гнетом осеннего ветра.
 Ибо нередко сей знак подает в предвестие Нота
 Ночь, благодетельствуя корабельщикам многострадальным.
 420 И, если внемлют они непреложным ее повеленьям,
 Выбросят лишнее вон и снасти надежно закрепят,
 Сразу страдание их становится легче. Но если
 Непредсказуемо для моряков на корабль налетает
 Всесокрушающий смерч, парусов лохмотья срывая, —
 425 Что ж, иногда уж на дне продолжается странствие судна,
 А иногда — если Зевс услышал молитвы несчастных,
 И озарился Борей перунов его полыханьем —
 Много еще претерпеть предстоит им, покуда сумеют
 Вновь друг на друга взглянуть. Опасайся при знаменье этом
 430 Нота, пока не начнут на севере молнии падать.
 Если *Кентавр* одет незаметной почти пеленою
 В час, когда достигает его плечо половины
 Долгой дороги своей меж восточным и западным морем,
 А за спиной у него появляются те же предвестья,
 435 Что и над Жертвенником, — не к Ноту готовься, но к Эвру.
 Это созвездье лежит под другими двумя, по которым
 Ты распознаешь его: покоится под Скорпионом
 Часть человечья, спина под Клешнями конская мчится.
 Правую руку свою Кентавр туда простирает,
 440 Где в небесах утвержден точеный Жертвенник. Крепко
 Сжатый десницею сей путешествует по небу некий
Зверь — он именно так был нашими предками назван.
 Есть перед ними еще одно созвездие в небе:
Гидрой зовется оно. Эта Гидра, как гады живые,
 445 Вьется всем телом своим: к середине созвездия Рака
 Снизу она головой подбирается, кольца под львиным
 Чревом застыли, а хвост нависает над самым Кентавром.
 На середине кольца у Гидры находится *Чаши*,
Ворона клюв последний изгиб долбит непрестанно.
 450 И, наконец, — *Процион*, сверкающий под Близнецами.
 Сколько бы лет ни прошло, возвращаются эти созвездья
 Точно в назначенный срок чередой. Они нерушимо
 С небом навек скреплены, украшенья стремительной ночи.
 Перемежая пути, пять звезд, с остальными несхожих,
 455 Всюду блуждают среди двенадцати изображений.
 Где и когда их найти, невозможно по прочим светилам
 Предугадать — переменчивы всех пяти положенья.

Круговращения их весьма продолжительны сроки,
И далеко отстоят друг от друга их соединенья.

460 Не посягну я покуда на них: мне будет довольно
Звезд неподвижных круги и эфирные знаки поведать.

Эти круги — четыре числом — точеные словно;
В них ты найдешь для себя и необходимость, и пользу,
Если дерзнешь измерять бесконечно бегущие годы.

465 Каждый из них от конца до конца унизали созвездья,
Красноречиво пути кругов обозначив на небе.

Сами они по себе ширины не имеют и прочно
Между собой скреплены, размером равнясь попарна.

Сумрак прозрачен когда под чистою твердью, и смертны!

470 Великолепие звезд небесная Ночь открывает,
И не единой из них не смещается блеск полнолунием,
Но проникает сквозь тьму, как острые стрелы, сиянье,
Если наполнится вдруг твое удивлением сердце,

Круг ты увидишь когда, расколовший от края до края

475 Весь небосвод, или кто-то твой взор направит на этот

Обруч, исполненный звезд, — то знай, что зовется он *Млеко*

Кругу сему ни один другой не подобен окраской,

А протяженностью с ним лишь два — хоть всего их четыре —
Равны, а прочие два размером значительно меньше.

480 Первый из меньших лежит невдали от истоков Борея.

Обе главы Близнецов по этому кругу несутся;

Накрепко оба к нему прижимает колена Возничий;

Левая голень на нем и, плечо утвердились Персея;

Следом за ними сей круг Андромеды десницу над локтем

485 Пересекает, причем ладонь остается над кругом,

Ближе к Борею, а локоть ее наклоняется к Ноту.

Также копыта Коня, затылок Птицы, вершина

Птичьей главы, наконец, Змеедержца прекрасные плечи

Вместе по кругу сему непрерывно вершат обращенье.

490 Не прикасаясь к нему, влечется немного южнее

Дева, но Льву и Раку его избежать невозможно:

Оба подряд пронизаны им — одного рассекает

Он от груди всего целиком до самого срама,

А вслед за тем сквозь Рака бежит, расколов ему панцирь,

495 И разрезается Рак пополам с таким совершенством,

Что остаются глаза по разные стороны круга.

Если его разделить на восемь частей, то при свете

Дня над Землей обращаются пять, а три — в Океане.

Летом коснувшись его, назад поворачивается Солнце.

500 В царстве Борея сей круг утвержден и проходит сквозь Рака.

Круг пробегает другой в областях супротивного Нота,

И, разделив пополам Козерога, нещадно отъемлет

Обе ноги Водолею и хвост Киты отсекает;

Заяц на нем, но Пса он почти что минует, задев лишь

505 Лапы. На нем же Арго и Кентавра спина, Скорпиона
Жало и Лук, достоянье Стрельца, неприметного светом.
Нижний Солнцу предел на пути от Борея до Нота
Ставит сей круг, и на нем повращается зимнее Солнце.
Этого круга лишь три в небеса поднимаются части,

510 Пять таятся в волнах и долгою ночью сокрыты.

Третий вращается круг, пополам разделенный Землею,
Между двумя, и с Млеком седым он спорит размером.
Дважды в году здесь ночи и дни становятся равны —
Лето вянет когда, когда весна расцветает.

515 Знаменья круга сего — Овен и колено тельцово:
Если Овен всем телом своим по нему распростерся,
То лишь изгибы колен Тельца различимы на круге.
Пояс на нем утверждён Ориона, светящую ярко,
Огненной Гидры изгиб, почти незаметная Чаша,

520 Ворон на нем и Клешней весьма разобщенные звезды,
И, наконец, Змеедержца на нем колена влекутся.
И не минует сей круг Орла, ибо в тесном соседстве
С кругом ветры стремят великого вестника Зевса.
И голова, и загривок Коня расположены здесь же.

525 Трех равнобежных кругов направляется осью вращенье,
Посередине меж них водруженной отвесно. Четвертый
К солнцеворотным кругам прикреплен обоюдосторонне
Наискосок, пополам рассекаемый кругом срединным.
Даже Афиной самой наставленный в деле работник

530 Лучше бы сладить не смог столь огромные вместе колеса,
Все их на ось насадив и дружно заставив вращаться:
Именно так в небесах, наклонным скрепленные кругом,
Эти круги от зари до зари вседневно несутся.

И восстают, и садятся они сопутно друг другу,

535 Но на обоих краях мирозданья в местах неизменных
Каждый из них от конца до конца заходит и всходит.

Сколько минует воды, Океан обегая, четвертый
Круг, столько сам Океан оборачивает до восхода
Рака с тех пор, как взошел Козерог. Занимают пространства

540 Столько восходы его, сколько, им супротивно, заходы.
Луч, отходящий от глаз к поверхности этого круга,
Мог бы его обегать, шестикратно умножившись; по два
Каждый из равных лучей на нем отсекает созвездья.

Сей замечательный круг называется Зодиакальным.

545 Рак расположен на нем, Лев — рядом, за ним поместилась
Дева, за нею — Клешни и сам Скорпион, за которым
Следом Стрелец, потом Козерог, потом — Козерогу
Вслед Водолей, за которым плывут две звездные Рыбы;
И замыкают сей круг Овен и Телец с Близнецами.

550 Солнце бежит по нему через все двенадцать созвездий,
Год совокупный верша. И этому славному бегу

Подчинена безраздельно чреда времен плодоносных.
Сколько сей круг погружен в Океана глубокое лоно,
Столько его над Землей влачится. И каждою ночью
555 Шесть неизменно частей из двенадцати скрыты водою,
Шесть совершают восход. Поэтому ночи и длятся
Столько, сколько сему полукругу бывает потребно.
Чтобы взойти над Землей, начиная с падения ночи.

Небесполезно тому, кто ждет с нетерпением рассвета,
560 Понаблюдать, когда поднимается каждый из знаков —
Ибо восходит всегда с каким-то из них совокупно
Солнце. Надежней всего такие вести наблюденья,
Прямо на знаки смотря. Но бывает, что область восходов
Заволокут облака или горная скроет вершина;

565 А потому запасись приметамы всех восхождений.
Их предоставит тебе Океан: на отрогах обоих
Множество звезд венчают его в ту пору, когда он
Каждый знак из недр своих заставляет подняться.

При восхождении *Рака* отнюдь не безвидные звезды
570 Весь опоясывают Океан обоюдосторонне,
Мир покидая — одни, из вод поднимаясь — другие.
Долу стремится Венец, по хребет погружается Рыба:
Все еще можно узреть в небесах Венца половину,
Но увлекают уже окраины мира другую.

575 Тот, кто стоит позади Венца, опрокинутый навзничь,
Виден по низ живота; весь верх омывается ночью.
И Змеедержца во тьму, достойного скорби, низводит
Рак от колен до плечей, и Змею погружает по шею.

Арктофилак распростерт уже не от края до края
580 Звездного неба, и ночь им больше, чем день обладает:
В небо пока четыре подряд не поднимутся знака,
В лоно свое Океан не приемлет всего Волопаса.
Оный, когда совмещает заход с закатами Солнца,
За полночь лишь распрягает волов, пресытившись светом:

585 Ночи такие слывут «опоздавших закатов ночами».
Все эти сонмы светил уходят с небес, но напротив
Вот уже сам Орион, отнюдь не безвидный, но гордый
Силой меча, и сияньем плечей и пояса светлый.

Реку влача за собой, восстает от другого отрога.

590 При восхождении *Льва* низвергаются в воду созвездья,
Все, что при Раке еще заходить начинали, и с ними
Одновременно Орел. Уже Океаном волнистым
Весь, кроме правой стопы, поглощен Преклонивший колена.
Гидры восходит глава, зеницами блещущий Заяц

595 И Процион, и передние Пса огневидного лапы.

И не решусь я сказать, что мало созвездий низводит
Девы восход за пределы Земли. Килленская Лира
Падает в море, Дельфин и Стрела, очинённая остро;

Птица заходит тотчас, начиная с кончиков крыльев

600 И до хвоста, и Реки берега облакаются мраком.

Погружена Коня голова, погружается шея;

Гидра почти целиком, до самой до Чаши восходит,

А перед Гидрою Пес, воздымающий задние лапы,

Вслед за собой возносит корму Арго многозвездной,

605 И восстает над Землей корабль усеченный по мачту

Единовременно с тем, как взойдет окончательно Дева.

И восхожденье *Клешней* — сколь их ни ничтожно сиянье —

Не обойдем стороной: ведь именно с ними восходит

Весь до конца Волопас, пронзенный светилом Арктура.

610 Вот уже вся Арго поднялась, в то время как Гидре,

Заполонившей собой небосвод, хвоста не хватает.

613 [Вслед за одним, без Змеи, но внушающим страх Змеедержцем]

612 Только одну Клешни по бедро на небо возносят

Правую ногу того, кто всегда преклоняет колена.

615 Кто неизменно влачит обращенье простертым у Лиры:

Этот неведомый лик среди всех поднебесных созвездий

Мы в одноночь узреть заходящим и вновь восходящим

Можем нередко. Так вот, единственно правую голень

Оного вслед за собой Клешни, восходя, поднимают;

620 Сам он, однако, во мрак еще с головой погруженный,

Медлит, пока не взойдут Скорпион и Лука хозяин:

Только они являют его — Скорпион поднимает

Тело, а Лук — и главу, и левую руку, — частями,

За три приема всегда Преклонивший колена восходит.

625 Наполовину Венец поднимается вместе с Клешнями

И окончность хвоста Кентавра, Но в это же время

Вслед за своей головой скрывается Конь, увлекая

И оперенье хвоста его обгоняющей Птицы;

Голову прячет тогда Андромеда: ее утрашая,

630 Пасмурный Нот к ней гонит Кита, а в царстве Борея

Ей уже знаки Кефей посылает могучей рукою;

И головою вперед погружается в воду по гриву

Кит, а Кефей окунает главу, и руку, и плечи.

Стоит начать восходить *Скорпиону* — уже низвергает

635 Без промедленья Река в Океан многоводный изгибы,

И великан Орион спасается бегством постыдным.

Предков преданье гласит — да помилует нас Артемида! —

Что Орион прикоснуться посмел к ее одеянию,

Хиоса дичь когда истреблял булавою тяжелой,

640 Энопиону стремясь угодить беспримерной охотой.

Но расколола тотчас богиня хиосские холмы,

Произведя из Земли невиданного Скорпиона:

Онный, за то, что саму Орион оскорбил Артемиду,

Жалом ударив, того, кто был неосилим, осилил.

645 Вот почему, говорят, немедленно после восхода

Зверя сего Орион за пределы Земли убегает.
 И Андромеда, и Кит восхождение блюдут Скорпиона:
 Все что от них до сих пор еще в небесах оставалось,
 Скрыться спешит с появлением его, а пояс Кефея
 650 Землю скребет, в то время как верх кефеева тела
 И голова в Океан погружаются, а остальному —
 Чреслам, коленам, стопам — на дороге Медведицы стали.
 Кассиопея вослед изваянию дочери мчится.
 Словно в насмешку над ней — не пристало такое царице!
 655 Ноги от стоп до колен поверх престола влекутся.
 Падает в воду она, как ныряльщица, вниз головою,
 Вплоть до колен. Но могла ли она ожидать, что нелепый
 Вызов своей красоте простят ей Дорида с Панопой?
 Мчится на запад она, а из-за восточного моря
 660 Небо возносит уже второе Венца полукружье,
 Гидры последний изгиб, и чело и тело Кентавра.
 Вместе с собой на небо Кентавр и Зверя приносит,
 Крепко в деснице его храня. Но передние ноги
 Грозный полкан не желает поднять до пришествия *Лука*.
 665 Также и кольца Змеи, и все змеедержцево тело
 Лук извлекает из тьмы — а головы их успевают
 Сам Скорпион вознести; возносит он и Змеедержца
 Обе руки, и первый изгиб Змеи многозвездной.
 «Тот на коленях» (всегда он вниз головою восходит)
 670 Часа теперь своего дождался: с окраин вселенной
 Ноги его встают, и пояс, и грудь, и десница
 Вместе с правым плечом; но голову с левой рукою
 Лишь восходящие Лук и *Стрелец* поднимают над морем.
 Кроме того, с восхождением Стрельца гермесова Лира
 675 И, вплоть до персей, Кефей Океан покидают восточный,
 А между тем все светильники Пса великого в воду
 Ниспровергаются, все орионовы звезды, а также
 Все без изъятия огни беспрестанно гонимого Зайца.
 Но не спешит Возничий Козлят с Налокотной Козою
 680 С неба совлечь, и сияют они на руке исполинской:
 Оной из всех его звезд суждено воздвигать непогоды,
 С Солнцем когда скрещают пути Коза и Козлята.
 Голову, руку вторую и чресла Возничего скрыться
 Лишь *Козерог*, восходя, заставляет. Но все, что пониже,
 685 Сам успевают Стрелец погрузить; нисколько не медлят
 В небе Персей и вершина кормы Арго многозвездной:
 Весь целиком заходит Персей, исключая колено
 Правой ноги и стопу, а корма — до округлой оснастки.
 Сам же корабль с небес стремится Козерог восходящий
 690 В час, когда Прочион окунается в ночь, но восходят
 Птица, Орел и звезды Стрелы оперенной, а также
 Жертвенника священный очаг, на юге горящий.

В небо когда *Водолей* поднимается наполовину,
 Конь над Землей возносит главу и копыта; напротив
 695 Звездообильная ночь Кентавра за хвост увлекает,
 Но поглотить неспособна она широкие плечи,
 Туловище и главу; зато пламенеющей Гидры
 Шейный изгиб и чело погружаются полностью в море.
 Большая часть, однако, еще позади остается:
 700 Ей предстоит зайти целиком только вместе с Кентавром,
 При восхождении *Рыб*. За Рыбами шествует Рыба,
 Та, что под синим плывет Козерогом; но часть ее скрыта
 Ночью, пока не взойдет другой из двенадцати знаков.
 Многострадальные руки, колена и плечи разъяты
 705 Надвое у Андромеды, и тянется часть над Землею,
 Часть под водой, Океан когда покидать начинают
 Рыбы: они за собой извлекают по правую руку
 Всю Андромеду, а левой руке не достичь небосклона
 Вплоть до восхода *Овна*. Во время его восхожденья
 710 Жертвенник можно узреть на западе, а на востоке
 В это же время глава и плечи Персея восходят;
 Но неизвестно, когда его появляется пояс —
 То ли в конце восхода Овна, то ль с *Тельцом* совокупно:
 С ним-то уже неразлучно сей пояс по небу несется.
 715 Не отстаёт от Тельца восходящего также Возничий,
 Но не Телец целиком его заставляет подняться —
 Лишь Близнецы его из воды до конца извлекают.
 Левой зато подошва ноги, и Коза, и Козлята
 Вместе с Тельцом в вышине несутся, как только восходят
 720 Грива и хвост Кита над водой. Уже начинает
 Арктофилак заходить с появлением этого знака —
 Первого из четырех, что его целиком погружают,
 Кроме руки, каковую к Большой он Медведице тянет.
 Две Змеедержца ноги, до колен погруженные в воду,
 725 Пусть для тебя *Близнецов* восходящих приметкою будут.
 Больше уже ни единая часть Кита не влечется
 Вверх или вниз, и его целиком ты увидишь на небе.
 Может теперь наблюдать корабельщик на глади спокойной,
 Как покидает Реки излучина первая море,
 730 И ожидать, когда Орион, наконец появившись,
 Знаменье даст о часе ночном и проплытой дороге:
 Неисчислимы богов такие послания смертным.
 Или не видишь? Когда появляется с запада тонкий
 Серп Луны, возвещает она начавшийся месяц;
 735 При наступлении дня четвертого будет впервые
 Света довольно ее, чтоб тень обозначилась; восемь
 Дней в полунуньях, а полной Луной разделяется месяц
 Надвое. Так, наклоненье и облик чела изменяя,
 В месяце каждого дня порядок Луна указывает.

740 Ночи длиннейшей черед и кратчайшей надежно двенадцать
Знаков укажут: когда в продолжение великого года
Пар распахать настанет пора или саженцы сеять —
Все это Зевс человеку открыл в небесных явлениях.
Даже на судне пльвя, пределы зимы многобурной
745 Можно узнать — лишь смотри, как возносится над Океаном
Немилосердный Арктур и любые другие светила,
Перед рассветом — одни, с наступлением ночи — другие.
Солнце, стремящее бег по великой дороге, обходит
Все эти звезды подряд в течение года, свершая
750 Попеременно восход и заход в сочетании с каждой:
Новый рассвет созерцает звезда ежедневно иная.
Ныне и ты приобщен к сей мудрости. Ибо в согласье
Приведены девятнадцать кругов светозарного Солнца,
Знаки, которые ночь от пояса к крайним пределам
755 По Ориону стремится, бесстрашного Пса достигая,
И остальные светила, которыми Зевс самолично
И Посейдон подают непреложные смертным приметы.
Вдумайся в эти слова. А если доверить решишься
Душу твою кораблю, позаботься приметы запомнить
760 Для предсказания ветров и зимней морской непогоды.
Труд сей весьма невелик, но десятикратно
Благоразумного мужа усердие вознаградится:
Сам в безопасности, он не менее пользы другому
Увещеваньем несет, когда приближается буря.
765 Так, и в спокойную ночь зачастую корабль устремляет
В тихий приот мореход и рассветного моря страшится:
Медлит нередко гроза три дня или пять, но порою
Непредсказуем приход ненастья бывает — ведь смертным
Зевс не всё дозволил узнать, и многое скрыто.
770 Стоит, однако, ему пожелать — и откроются тайны,
Ибо, сомнения нет, человека отечески щедро
Зевс одаряет, себя повсеместно являя в приметах.
Многое скажет тебе Луна — в половине свеченья
Ждет полнолуныя она, иль полного блеска достигнет;
775 Многое также велит, восходя или к ночи склоняясь,
Солнце. И много еще существует явлений, в которых
Ночью и днем для себя ты найдешь многовидные знаки.
Прежде всего наблюдай за рогами Луны, ибо каждый
Вечер являет ее в ином освещенье; лишь только
780 Станет Луна прибывать — ежедневно рогов очертанья
Будут различны: одни — в день третий, другие — в четвертый.
В этом — источник тебе предсказаний на месяц ближайший.
К третьему дню подойдет Луна круторогой и ясной —
Вёдро грядет; круторогой она, но багряной восходит
785 К ветру; но если, рога притупив, уплотненная с виду
С третьего дня на четвертый безжизненный свет переносит —

Знай: притупляет ее приближение Нота иль влаги.
Далее. Если Луна, по третьему дню пробега,
Не наклоняет рогов ни вперед, ни назад, но, напротив,
790 Обе ее кривизны до рогов сохраняют отвесность —
Может за ночью такой последовать западный ветер;
Если четвертого дня достигает все так же отвесной,
Предупреждает Луна о скорой опасности бури.
Рогом верхним она заметно вперед наклонится —
795 Северных ветров страшись, назад опрокинется — южных.
Если, однако, ее, трехдневную, всюду обнимет
Рдеющий круг, ожидай жестокого ветра, и помни:
Тем сокрушительней он, чем огненной круг пламенеет.

Также Луну наблюдай вблизи полноты и ущербной —
800 То ли она, молодая, растет, то ли, старая, вянет —
И по окраске ее предрекай погоду на месяц.
Чист незапятнанный лик — надейся на краснопогодье;
Если Луна залилась краснотой, приготовься к порывам
Ветра, к дождю — коль она омрачается россыпью пятен.
805 Но не для всякого дня все те же приметы пригодны:
Те, что на третий являются день и четвертый, правдивы,
Первая четверть пока не настанет, приметам которой
До полнолуния верь, полнолуния знакам — до новой
Четверти; в этом ряду затем наступает четвертый

810 До новолуния день и нового месяца третий.
Также бывает Луна кругами охвачена: по три,
По два и по одному круги обнимают светило.
Круг единственный зришь — безветрия жди или ветра:
К ветру — изломанный круг, к безветрию — слабый и мгlistый;
815 Бурей грозит удвоенный круг, ненастьем сугубым —
Если утроился он; опаснее круг почерневший;
Но наихудшее зло таит надломившийся черный.
Вот что, Луну изучив, на месяц вперед ты узнаешь.

Но не забудь и о Солнце, минующем мира пределы —
820 Ибо надежны вдвойне сопряженные с Солнцем приметы
В пору, когда садится оно и восходит из моря.
Пусть не найдешь ты на нем пестроты, когда на рассвете
Пашню ласкает оно — коль ясного дня ожидаешь;
Пусть же без пятен взойдет, сохраняя чело одноцветным.
825 Час распряженья волов коль встретит оно без отметин
И погружаться начнет в безоблачье, с мягким сияньем,
Краснопогодье с собой принесет и грядущей зарею.
Только бы вогнутым лик на восходе его не казался,
Или лучи, разделясь, не били бы частью к полудню,
830 Частью на север, меж тем как сиять продолжает середка:
Ибо проходит тогда оно сквозь дожди или ветры.

Если позволят тебе лучи, созерцать постарайся
Солнце само — надежнее нет прямых наблюдений! —

Нет ли на нем красноты, как нередко светило краснеет
835 Здесь или там, когда по нему облака проплывают,
Не зачернело ль оно — и черные пятна приметой
Скорого станут дождя, а красные — признаком ветра.
Если же сразу двумя окрасится Солнце цветами,
Путь его будет чреват и дождем, и ветром свирепым.
840 Ежели Солнца лучи — восходит оно, иль заходит —
Сходятся вместе, в один пучок собираясь, а также
Если от ночи к заре иль, напротив, от света ко мраку
Солнце среди облаков путешествует плотно зажатым,
Знай, что в подобные дни не преминет низвергнуться ливень.
845 Но и когда впереди поднимается малая туча,
Следом же Солнце, лучей почти что лишненное, всходит,
Не забывай о дожде. А если тотчас по рассвете
Окрест него расстиляется круг уплотненный, и словно
Плавится Солнце, а круг затем убывать начинает,
850 Краснопогодия жди, равно как и если зимою
Охрой оно, заходя, окрасилось. Если в дневное
Время случается дождь, облака по его окончанье
Поторопись изучать, обратясь к заходящему Солнцу:
Если его заволакивает черноватая туча,
855 Окрест которой лучи, раздвоясь, по стороны обе
Не прекращают еще беспрепятственно распространяться,
Крова искать заставит тебя и грядущее утро.
Если же чистым от туч омывается в западных волнах
Солнце, а возле него облака пламенеют румянцем,
860 Сопровождая закат, и не сразу потом угасают,
Не опасайся дождя ни завтра, ни завтрашней ночью.
Но приготовься к нему, когда начинают внезапно
Слабый, рассеянный свет лучи проливать с небосвода —
Так, как бывает, когда Луна покрывает их тенью,
865 Им на пути становясь между Землею и Солнцем.
Кроме того, не страшись, что неорошенными пашни
Могут остаться в те дни, когда не спешит появиться
Солнце, но всюду видны пред зарей красноватые тучи.
Вот что еще: избежать ни дождя невозможно, ни ветра,
870 Солнце когда за кромкою вод затаилось, и в небе,
Опережая восход, лучи потускнелые льются;
И чем сильней стущается мрак при их появлении,
Тем достоверней они начало дождя предвещают.
Если, однако, лучи пеленою подернуты тонкой,
875 Обыкновенно какую несут облака негустые,
Оповестит их сумрачный свет о близости ветра.
Черный венец окружит отнюдь не к хорошей погоде
Солнце; плотней зачернев и съезжившись, тяжким ненастьем
Он обернется тебе, а удвоившись — злейшею бурей.
880 Также следи на заре, а равно и во время заката,

Рдеют ли те облака, что «ложные Солнца» зовутся,
К югу, к северу иль с обеих сторон от светила,
И в наблюдениях твоих берегись оказаться неточным.
Ибо, объято когда облаками подобными Солнце
885 С той и другой стороны, поблизости от Океана,
Без промедленья падет с помрачневшего Зевса ненастье;
Если на севере лишь забагровела тучка — о ветре
Северном весть подает, а если на юге — о южном,
Вслед за которым тотчас дождевые посыплются брызги.
890 Чти эти знаки вдвойне на закате: закатные знаки
Не подведут тебя никогда изменчивым смыслом.
Не поленись наблюдать и *Ясли*. Подобные легкой
Дымке, на север они, предшествуя Раку, влекутся.
По обе стороны их неяркие две различимы
895 Звездочки, не далеко и не так, чтобы слишком уж близко
Скажешь на глаз, что на локоть они отстоят друг от друга;
Северней мчится одна, наклоняется к югу вторая.
Их называют «*Ослы*»; меж оных покоятся *Ясли*.
Если заметишь, что вдруг совершенно невидимы стали
900 *Ясли*, хотя и безоблачен Зевс, а те, что с обеих
Мчатся сторон, уж ничем не разъединяются звезды,
Пашни затопит вода, принесенная бурей немалой.
Если же черною мглой затянутся *Ясли*, а обе
Без перемен сияют звезды, к дождю приготовься.
905 Северный если Осел мерцающий свет излучает,
Чуть омрачившись, тогда как огнем занимается южный,
С юга и ветер встречай; а коль поменялись местами
Пламень и мрак — ожидай дуновения северных ветров.
В ветре не усомнись, и море когда распухает,
910 Рокот глухой морских берегов вдали раздается,
В ведро становятся вдруг отголосками гулками полны
Скалы прибрежные, гор сотрясаются ревом вершины.
Если лысухи летят в каком-то смятении с моря
На материк, оглашая простор пронзительным криком,
915 Скоро соленую гладь возмутит нагрянувший ветер.
Если в безоблачный день буревестники стаей летают,
Вместе они защититься хотят от грозных порывов.
Дикие утки порой и над морем кружащие чайки
Вдруг принимаются бить о берег крылами; нередко
920 Прямо над гребнями гор протяженная стелется туча.
Ветра примету тебе подает и боярышник старый:
Часто, сорвавшись с него, великое множество пуха
Носится взад и вперед по безмолвной поверхности моря.
Летом откуда доносится гром и исходят зарницы,
925 Именно с той стороны ожидай и прибытия ветра.
Также когда сквозь черную ночь стремглав пролетают
Звезды и вслед за собой белесые тянут постромки,

Помни, что ветер придет по проложенной ими дороге.
Если же падать начнут им навстречу другие светила,
⁹³⁰ И отовсюду, как дождь, посыплются звезды, готовься
К переменяющимся и разнонаправленным ветрам:
Смертных они, застигая врасплох, повергают в смятенье.

Попеременно когда все четыре стороны света,
Север, и запад, и юг, и восток озаряют зарницы,
⁹³⁵ В море открытом тогда устрашается муж корабельщик,
Не оказаться б ему меж морскою и зевсовой влагой —
Ведь никогда без дождя не обходятся эти зарницы.
Перед дождем иногда ты можешь увидеть, как ветер
Рваные мчит облака, на клочья похожие шерсти;
⁹⁴⁰ Сдвоенной радугой весь небосвод перехвачен бывает,
Иль на какой-то из звезд черноватый виднеется венчик.

Часто болотные птицы, равно как и птицы морские,
Неутомимо ныряют и, всплыв, подлетают на волнах;
Ласточки, отдых забыв, над поверхностью озера вьются
⁹⁴⁵ И оставляют круги, брюшком задевая о воду;
Из глубины подают отцы головастиков голос:
Жаль им детей, на обед водяным доставшихся змеям! —
И одиноко ворчит на рассвете зеленая лягува.
Перед началом грозы на утесе, вдающемся в море,
⁹⁵⁰ Частый печатает шаг по земле говорунья ворона,
Или, к реке подойдя, и клюв окунает и шею
До оперения крыл, а то и всем телом ныряет,
И семенит у воды, испуская гортанные крики.

Головы к небу задрав, различать умеют коровы
⁹⁵⁵ В воздухе запах дождя; с великою спешкой выносит
Из подземельных жилищ муравьиное племя яички,
И принимаются вдруг по отвесным карабкаться стенам
Множество сороконожек; кругом расползаются черви,
«Потрохи черной Земли» которых еще называют.

⁹⁶⁰ Также порой петуха потомство, домашние птицы
Ищут с усердием вшей, крича громогласно, — и в крике
Слышатся всплески воды, упadaющей капля за каплей.
Что говорить — и соек народ, и воронов семьи
Знаменье часто дождей, ниспосланных Зевсом, являют,
⁹⁶⁵ Если по небу они с ястребиным клетотом кружат,
Тесною сбившись толпой; одинокого ворона говор
Капель божественных звон повторяет, а воронов пара,
Дважды прокаркав подряд голосами осевшими, после
Долго скрипуче кричат и перьями крыл потрясают.

⁹⁷⁰ Утки ручные спешат, под навесом живущие галки
Скрыться под выступы крыш и шумно крыльями машут;
К морю торопит полет с тоскливыми воплями цапля.

Не пропусти ни одной из этих примет, если хочешь
Быть приготовлен к дождю, но умей примечать и другое:

975 Чаще, чем прежде, тебя кровожадные мухи кусают,
И вырастают грибы за влажную ночь на светильне;
Ранней зимою чудит огонь, в черепках разожженный:
То языки прямые бегут бестрепетно кверху,
То задрожит невесомый огонь, от жгута отделяясь,
980 Как пузырьки, а порой и на площадке самой заиграют,
Переливаясь, лучи; и бывает, что тесные стаи
Носятся птиц островных в разгар многознойного лета.
Не забывай посмотреть на очаг — и котел, и треножник
Вдруг обсыпают кругом, из пламени вырвавшись, искры;
985 Или на куче золы, среди тлеющих углей, внезапно
Вспыхивают огоньки, на зерна похожие проса —
Для предсказания дождя и это тебе пригодится.

Если с высокой горы опускаются прямо к подножью
Легкие, словно туман, облака, оставляя вершину
990 Без пелены, превосходною ты насладишься погодой.
День настает неплохой, и когда над поверхностью моря
Тонкий слой облаков, приподнявшись чуть-чуть, не стремится.
Вверх, но над самой водой зависает, как плоская отмель.

В ясные дни наблюдай усердней приметы ненастья,
995 В бурю, напротив, следи за предвестьями мирной погоды.
Пристально также зри на Ясли — они круговратно
Следом за Раком бегут: как только начнет очищаться
Небо над ними от мглы — то значит, конец и ненастью.

Если спокойно горит в светильниках пламень, и слышно,
1000 Как потихоньку поет ночная сова — догадайся:

Буре недолго уж жить. На закате выводит ворона
Тихие песни свои, на все голоса причитая;
Вороны, по сторонам разлетевшись, прокаркают дважды,
После почаше кричат; а когда уж о сне помышляют —
1005 Громкий разносится грай от огромного враньего войска.
Скажешь, что радостно им, услышав их трубные гласы:
То возле самых деревьев, где спать им, рассядутся стаяй,
То заберутся в листву, и долго крыльями машут,
Хоть никуда им лететь сегодня уже не придется.

1010 И журавли, распознав безветрия нежного близость,
Тянут свои косяки единой стрелою по небу;
Но непогодой грозит внезапное их возвращенье.

Если сияние звезд, помутнев, притупляется мраком,
Хоть не мешают ему облака, громоздясь друг на друга,

1015 Не затеняет туман, Луны полнота не скрывает,
Но ни с того ни с сего лишается силы и меркнет,
Знай, что уходит уже благая погода; готовься
К буре. Ненастия жди, и когда облака застыщают,
В месте скопившись одним, а на них напирают другие,

1020 То проплывая сквозь них, то кучно толпясь вслед за ними.

Та же примета, когда с гоготаньем неистовым гуси

В поисках корма бегут, затянет средь ночи ворона,
Девять раз старая, песнь, чирикает чиж на рассвете,
Вечером сойка кричит, и множество птиц улетает
1025 С моря на материк, королек и малиновка в тайных
Норах, нырнувши, сидят, и галок огромное племя
В дома ночные спешит, простившись с пастбищем тучным.
Перед нашествием бурь не станут жужжащие пчелы
В дальний полет отправляться на сбор драгоценного воска;
1030 Вьются вокруг ульев они, заботясь о сотах и меде.
И журавлиных рядов ты уже в вышине не увидишь:
Мчатся домой кругами они, к земле прижимаясь.
И паутинки когда развеивает безветренный воздух,
И начинает коптить в черепках мерцающий пламень,
1035 Иль разгораться никак не хочет, хоть день еще ясен,
Бойся грозы. Да и можно ли все перечислить приметы,
Что человеку даны? Даже пепел, и то, неприметный,
Плотно спекаясь, дает достовернейший знак снегопада;
К снегу на площадках растут, подобно зернышкам проса,
1040 Яркие точки вокруг освещенной огнями светильни;
Жаркий уголь безошибочно град тебе предрекает,
Весь он искрится когда, а в его огнедышащих недрах
Средь переливов огня появляется легкая тучка.

Каменный дуб, отягченный плодом, и черные терны —
1045 Вестники верных примет. Селянин беспокойный повсюду
Их озирает, страшась, не сбежало сквозь пальцы бы лето.
Если по несколько раз желудей понемногу приносит
Каменный дуб — примечай: воцарится надолго ненастье.
Но да не будут дубы непосильным придавлены грузом,
1050 Если ты хочешь, чтоб знак прозяб, не загубленный сушью.
Трижды терн плодоносит в году, плоды созревают
Трижды на нем, и любой урожай для пахоты знаки
Верные даст. Ведь пахоту всю земледел разделяет
На три поры — на крайние две и одну между ними.
1055 Первые будут плоды для первой пахоты знаком,
Средние — для второй, а последние — для последней.
Ежели терн, пригибаясь к земле от плодов изобильных,
Добрый даст урожай — многожитной и пахота будет,
Скудный — и жатва скудна, умеренный — в меру и жатва.
1060 Лука морского стволы, троекратно покрытые цветом,
Также помогут тебе три раза предсказывать жатву:
Все, чему учит тебя плодородие черного терна,
Можно узнать и по белым стволам цветущего лука.

Осы когда осенней порой повсюду роятся,
1065 Легкость уже потеряв, предсказать наступленье ненастий
Можно еще до того, как Плеяды на западе канут:
Только покажется рой — и закрутятся первые вихри.
Если и свиньи, и овцы, и козы любовной утехи

Вновь начинают искать и, свое получив уж однажды,
1070 Снова влекутся к самцам, хотя для того уж не время, —
Все, что известно от ос о ненастье, и здесь справедливо;
Если же случка и коз, и овец, и свиней припоздает,
Весел бедняк — ведь ему, обогреться которому нечем,
Эти их игры сулят не слишком суровую зиму.

1075 Видя косяк журавлей, селянин веселится дотошный:
Вовремя к гнездам родным вернулись они. Но другому
Поздний прилет по душе — ведь они, прилетая, приносят
Зимние бури с собой. И если они появились
Рано, большим косяком — и холод прийти не замедлит.

1080 Если же поздно они летят, растянувшись по небу, —
Благоприятна зимы задержка для сельской работы.

Если начнут и быки, и бараны в конце плодоносной
Осени землю копать и северным ветрам навстречу
Вытянут морды, страшись — многобурную, грозную зиму

1085 Скоро тебе принесут заходящие звезды Плеяды.
Только бы слишком они не рыхлили копытами почву —
Ибо тогда на поля и на пашни с удвоенной злобой
Буря падет — а лучше бы снег на обширных просторах
Лег, защитив молодые ростки своим покрывалом,

1090 Чтобы сумел селянин насладиться желанным достатком.

Пусть в вышине всегда на себя остаются похожи
Звезды, и ни на одной, ни на двух не вырастут космы:
Много косматых светил засушливый год предвещают.

Стаи пернатых отнюдь обитателю суши не милы,
1095 Множество их когда с островов нападают на пашни
Раннею летней порой: он тяжким сомнением томится,
Что принесет урожай, удрученный засушьем, солому
Вместо хлебов. Но этих же птиц увидев, ликует
Муж козопас: если только они не кишат в поднебесье,

1100 Может надеяться он на многомолочное лето.

Так мы влачим свою жизнь, несчастные, смертные люди,
Каждый от разных щедрот: готовые все, что попало
Под ноги, знаменьем счесть и ему доверять безоглядно.

Могут судить пастухи по ягнятам о близости бури:

1105 К пастбищу часто бегут с неистовой спешкой ягнята,
Или, о стаде забыв, на бой вызывают барашков
И затевают игру, на дороге рогами сшибаясь;
Или же бьют по земле копытами: те, что полегче,
Скачут на всех четырех, а те, что с рогами — на паре.

1110 А иногда не хотят на закате в овчарню вернуться,
И, упиравшись, стоят, терпя хворостину, и долго
Все еще щиплют траву под градом пастушьих каменьев.
И земледел, и пастух, следя за скотиной, заранее

Знают, что буря придет: если вол нагибается книзу

1115 И на передней ноге все лижет и лижет копыто,

Или, готовясь ко сну, на правом боку растянулся,
Видит старик землепашец — не скоро пахать еще будут.
Если натужно мычат коровы, плетясь неохотно,
В стойло когда волопас загоняет их перед закатом, —
1120 Значит, уже, погрустнев, предчувствуют телки, что завтра
Им на лугу попастьись не успеть под безоблачным небом.
Козы спешат пожирать колпочки зеленого дуба,
Остервенело в грязи кувыркаются свиньи к ненастью.

Ежели волк завывает бирюк нескончаемым воем,
1125 Иль, осторожность забыв, к домам селянина приходит,
Словно желая найти вблизи человека укрытье,
Чтобы, в засаде засеяв, у него же урвать и добычу, —
Бури уверенно жди, как трижды заря обернется.

Так и при помощи всех примет, перечисленных выше,
1130 Можно предвидеть приход и дождя, и бури, и ветра
В первый же день, или на второй, иль только на третий.

Даже мышей не прошли вниманием древние люди,
Ежели в солнечный день пищат несмолкаемо мыши,
И затевают скачки, и словно пускаются в пляску, —
1135 Даже собак — ибо только тогда отрывает собака
Лапами дыры в земле, когда предчувствует бурю.
Впрочем, и мыши, в земле копошась, предвещают ненастье.
[Из потаенных глубин и рак выползает на сушу,
Чтоб, убежав от воды, найти избавленье от бури.

1140 В ясные дни почувствовав дождь, принимаются мыши
Лапками перебирать солому, готовя постели].

Не презирай ни одной из примет; наблюдая, старайся
Знаком знак поверять: при согласии двух возрастает
Правдоподобие их, а третий дает несомненность.

1145 Каждому знаку веди весь год учет непрестанный
И примечай, оказался ли день, который запомнил
Ты по какой-то звезде — восходящей или заходящей, —
Точно таков, как знак предрекал. А впрочем, довольно
Будет учесть по четыре зари в конце и начале

1150 Каждого месяца — ибо они охраняют пределы
Той переходной поры, когда эфир ненадежен,
Восемь ночей лишенный огня Луны светлоокой.

Так в совокупности все исследуя за год приметы,
Ты никогда не обманешь себя в предсказаниях по небу.

Комментарии

Как и всякое произведение античной литературы, поэма Арата дошла до нового времени в рукописях. Наше знакомство с большинством древних писателей ограничивается лишь несколькими, зачастую весьма поздними манускриптами, а в иных случаях даже и единственным — ввиду чего мы лишены возможности проследить, что происходило с текстом на протяжении долгих веков его истории, и можем только догадываться, каков был первоначальный облик сочинения. Однако с Аратом дело обстоит совершенно особым образом. Прежде всего впечатляет само количество дошедших до нас рукописей (например, Ж. Мартен в своем издании Арата [43] использовал 48 манускриптов); отдельные из них датируются достаточно ранним периодом (XI—XII вв.). Кроме того, «Явления» с самого начала породили волну подражаний, цитирования и комментирования. Наиболее ранний из сохранившихся, образцов критического анализа астрономических воззрений Арата и Евдокса — комментарий греческого астронома Гиппарха, написанный через сто лет после смерти Арата и цитирующий почти 300 стихов «Явлений». Сочинение Гиппарха [68] используется и в настоящем комментарии. Весьма обильны цитаты из «Явлений» также у античных компиляторов — авторов антологий Афинея (II—III вв. н. э.) и Стобея (нач. V в.); близко к тексту пересказывают Арата Плиний Старший в «Естественной истории» и Вергилий в Земледельческих поэмах («Георгики»). Немаловажным свидетельством в пользу достоверности сохранившегося текста может служить точная цитата из «Явлений» в Деяниях апостолов (см. комм. к ст. 5). Во II—IV вв. н. э. огромная популярность Арата вызывает к жизни целую школу комментирования и изучения «Явлений». Труды главных представителей этого направления, таких как грамматик Ахилл (предпол. III в. н. э.), авторы анонимных комментариев, схолиев (греческие построчные примечания к поэме), во множестве донесли до нас независимые от прямой традиции цитаты из «Явлений». Особое значение для историка текста имеют четыре латинские перевода, сделанные Цицероном (I в. до н. э.), Германиком (I в. н. э.; рус. пер. см. в кн.: «Историко-астрономические исследования». Вып. XX. М., 1988. С. 336-372), Авиеном (IV в. н. э.), и, наконец, анонимный прозаический перевод VII в. н. э. Последний из упомянутых переводов, написанный так называемой «варварской» латынью, равно как и упомянутые греческие комментарии и схолии, собраны в фундаментальном издании Э. Маасса [66], которое также широко использовано при составлении предлагаемого вниманию комментария. Наконец, довольно обширные отрывки из «Явлений» обнаружались в шести папирусных находках, причем самый древний из этих папирусов датируется I в. н. э. [43].

Учитывая такое богатство и надежность рукописной традиции, перед издателем «Явлений» стоит задача не столько исправить как это бывает в иных случаях — что-либо в тексте или дополнить его своими предположениями, сколько выбрать среди многочисленных рукописных вариантов то, что в наибольшей степени соответствует духу эпохи и произведения, при безусловном сохранении его смыслового, содержательного и стилистического единства. К этому и стремились лучшие издатели текста «Явлений» в новое время. Среди них особая роль в создании научно выверенного и оправданного текста поэмы принадлежит Й. Фоссу [35], И. Беккеру [37] (впервые научно обработавшему рукопись Marcianus 476, которая легла в основу всех последующих изданий Арата), Э. Маассу и, наконец, Ж. Мартену, по изданию которого и выполнен предлагаемый русский перевод. Издание Мартена — образец филологической работы, сочетающей выверенность каждого слова с общим доверием к^[4] рукописной традиции, а следовательно, и к европейской культурной традиции в целом. Отсюда главное различие текстов Мартена и Маасса — французский филолог находит ключ ко многим загадкам текста «Явлений» в

средневековом латинском переводе, в то время как его немецкий предшественник отвергает этот перевод не в последнюю очередь из-за самого «варварского» языка. К достоинствам работы Ж. Мартена относятся также подробный филологический комментарий и точный прозаический французский перевод. При работе над русским текстом, кроме того, были использованы немецкий перевод Фосса [35] и английский — Мэйра [40].

Многие рукописи «Явлений» донесли до нас, среди прочего, краткие изложения содержания поэмы, часть из которых, вероятно, восходит к античным ее изданиям, а часть изобретена средневековыми переписчиками. Ж. Мартен на основе сопоставления рукописных содержаний предлагает следующее членение поэмы:

- I. Вступление (1-18).
- II. Описание звездного неба (19-558):
 - а) северные созвездия (19-320);
 - б) южные созвездия (321-453);
 - в) планеты, движениям которых поэт отказывается искать объяснения (454-461);
 - г) небесные круги (462-558).
- III. Календарь (559-757):
 - а) часы, определяемые путем сравнения восходов и заходов того или иного созвездия с восходами и заходами того или иного знака Зодиака (559-732);
 - б) дни лунного месяца (733-739);
 - в) времена года (740-751);
 - г) координация результатов: циклы Метона (752-757).
- IV. Знаки хорошей и дурной погоды (758-1154):
 - а) введение (758-777);
 - б) знаки, получаемые из наблюдений звездного неба (778-908):
 - Луна (778-818),
 - Солнце (819-891),
 - созвездие Яслей (892-908);
 - в) знаки, извлекаемые из наблюдения наземных явлений (909-1141);
 - г) заключение (1142-1154).

Адекватное понимание поэмы Арата невозможно без правильной оценки специфического отношения этого автора к естественнонаучной проблематике. С одной стороны, Арат почти несомненно пользовался глобусом, основывая его действие, и, соответственно, свое собственное описание неба, на строгих геометрических построениях типа теорем Евклида (см. комментарий к трактату Леонтия Механика и к теоремам из «Явлений» Евклида). Античные биографии Арата свидетельствуют о его выдающихся математических познаниях. С другой стороны, главный смысл поэмы ускользает от читателя, не учитывающего ее философской направленности. В связи с этим приведем краткую заметку Ж. Мартена, посвященную как раз этому вопросу и озаглавленную «Арат и астрономия» [43, р. 155-157]:

«Астроном в древней Греции — это тот, кто стремится примирить кажущуюся неправильность круговых путей планет с пифагорейской теорией равномерных круговых движений. Называется это — «спасать явления». Опыт есть лишь косвенный источник познания, роль его сводится к тому, чтобы обнаружить сложность высшего порядка, которая объясняет и уклонение от правила в фактах чувственного восприятия. Исследование при таком его понимании предполагает геометрическое видение вселенной, подобное видению Пифагора и Платона; именно в такой перспективе помещается система Евдокса. Однако Арат отказывается рассуждать о планетах:

Не посягну я покуда на них (460).

Согласно Ахиллу, Арат был менее робок в одном из других своих сочинений — «Каноне», где он изложил гармоническую теорию Пифагора. Но в данном случае его странное молчание объясняется стоической направленностью поэмы. Стоик по самой своей сущности противоположен астроному в том смысле, в каком мы только что определили; для него опыт есть источник непосредственного познания; он есть откровение, прямо сообщенное людям божественным началом, которое правит миром — т. е. самолично Зевсом. Геометрическая правильность небесных явлений для него в такой же мере предстает источником радости и религиозной экзальтации, но он желает, чтобы миропорядок был открыт ему в откровении, без того, чтобы быть обязанным, словно Платон и Евдокс, постигать его посредством умозаключений.

Для стоика формула «спасти явления» непременно должна была носить несколько оскорбительный, шокирующий оттенок. Она была противоположна его концепции божественного универсума, который спонтанно и последовательно открывается людям.

Послушаем самого Арата:

Зевс человеку не все донныне узнать позволяет.
Стоит, однако, ему пожелать — и откроются тайны,
Ибо, сомнения нет, человека отечески щедро
Зевс одаряет, себя повсеместно в приметах являя (768-772).

Все, что есть не более, чем гипотеза, не может быть истолковано как послание Зевса; судьбоносный час откровения еще не пришел. И, следовательно, проблема планет, составлявшая важнейший предмет классической астрономии, находится вне сферы интересов поэмы. Здесь право на существование имеют только самые элементарные результаты, достигаемые простой чувственной интуицией, наиболее очевидные наблюдения, заметки и соображения; наиболее удобные и вместе с тем общепринятые разграничения; те соответствия и синхронизмы, которые делают из вселенной огромные часы для отмеривания человеческого труда. Существенно не понимание механизма явлений, но знание цели. Заботы практические и моральные, телеологические медитации первенствуют над желанием умопостижимости; вместе со стоицизмом Восток уже вторгается в греческую мысль.

Созвездия и их периодические возвращения суть знаки, утвержденные на небе Провидением на благо людей; календарь — не условность, но послание, адресованное Зевсом своим чадам.

Арат жил в эпоху, когда халдейские спекуляции начинали распространяться на Западе; астрология уже проникла в Египет под персидским владычеством, но полного размаха она там достигает при Птолемеях; Арат пишет как раз накануне завоевания ею греческого мира. Она ему пока что еще совершенно неведома, но бессознательно он оставляет для нее вполне подготовленное место, поскольку уже у него астрономия знака подменяет собой астрономию числа.

Иноверный и враждебный астрологии стоик вроде Боэта мог ошибаться относительно позиции поэта и приписывать ему систематическое отвержение концепций, которых тот просто еще не мог знать, при этом философ введен в заблуждение предсказаниями, которые он сам изобрел. В сущности, для предсказания погоды Арат не использует восходы и заходы созвездий, столь подробно им зафиксированные, и в этом смысле он делает не что иное, как возвращается к классическим работам по метеорологии — работам Аристотелевской школы, а через них — к традициям фольклора, совершенно чуждого мнимым «физическим» объяснениям, которыми Боэт так гордится.

Арат совершает переход во всех областях: между Востоком и Западом, между астрономией и астрологией, между древней поэтикой и новой, между миром греческим и миром латинским. Отсюда его исключительная судьба в истории европейской культуры».

В соответствии со всем сказанным, особенного внимания при комментировании поэмы заслуживает ее начальный отрывок — гимн Зевсу (1-18). Эти 18 строк вводят читателя в замысел всей поэмы: во вселенной везде присутствует божество, весь мир наполнен им; его цель — благо людей, оно наилучшим образом устраивает их жизнь и направляет их труды посредством бесчисленных знаков, которые нуждаются только в правильной расшифровке. Из этого вытекает и задача поэта: открыть людям благосклонность Зевса, их общего родителя, путем объяснения знаков. Ближайшая в греческой литературе параллель к вступлению к поэме — не гимн Зевсу старшего современника Арата Калпимаха, а проникнутый религиозным пафосом гимн Клеанфа (331—332 до н. э.), преемника Зенона в качестве главы стоической школы (см. примечание к ст. 5).

1. **С Зевса начнем** — этими же словами открывается XVII идиллия («Элогий Птолемея») другого александрийского поэта — Феокрита (ок. 300—260 до н. э.). Согласно схолию к этому стиху Феокрита, он «использует аратово вступление». Однако в действительности оба поэта, очевидно, следуют давно установившейся традиции, ср., например Пиндар, Немейские песни, II.1-3:

Как Гомериды,
Певцы сочлененных песен,
От Зевса начинаю речи свои...

(Пер. М. Гаспарова).

Об этом говорит и Ахилл в сохранившемся отрывке трактата «О способе изложения» [66, р. 81], основа которого восходит к комментарию к «Явлениям» александрийской эпохи [43, р. 4]: «Поэтам в особенности приличествует такое начало — ведь и на пирах смешивали три чаши вина: первую в честь Зевса Олимпийского, вторую в честь Диоскуров и героев, третью в честь Зевса Спасителя... Следовательно, (Арат) начинает с Зевса, руководствуясь и старинным обычаем, и избранным предметом». Среди предшественников Арата в греческой литературе можно также упомянуть анонимного автора орфического гимна Зевсу, начало которого гласит:

Зевс стал первым, и Зевс — последним, яркоперунный.
Зевс — глава, Зевс — середина, все происходит от Зевса, —

(Пер. А. Лебедева)

и гомеровского аэда Демодока, который свою песнь о героях троянской войны «начал с бога» (Одиссея, VIII.499). Арат вносит в старинные эпические формулы новое, религиозно-философское содержание.

2. **Ненареченным** (ἀρητόν) — схолии объясняют это место следующим образом: стоики отождествляли Зевса с воздухом, а наша речь — не что иное как колебания воздуха, производимые голосовыми связками; поэтому мы говорим «посредством его (т. е. Зевса)», и всякое наше слово свидетельствует о его присутствии. Однако в действительности, как отмечает Ж. Мартен [43, р. 5], для ранних стоиков, как уже и для Эмпедокла, воздух тождествен не Зевсу, а Гере; Зевс для них — это более тонкая субстанция, эфир. Арат здесь верен стоическому представлению о «Зевсе Всеименном»: бог присутствует везде, поэтому он не имеет одного определенного имени; его имя — все, что угодно; поэтому, называя любую вещь, мы в то же время упоминаем бога. Этим же объясняются и дальнейшие слова Арата: «им полны дороги» и т. п.: поэт переосмысливает традиционные локальные эпитеты Зевса, часто встречающиеся у ранних греческих авторов («Зевс площадной» у Геродота (История, V.46) и Эсхила (Евмениды, 73), «Зевс гаваней» у Павсания (2.34.112)), таким образом, что они начинают символизировать присутствие божества в каждой из стихий, охватывая все мироздание.

Идеи Арата сжато и точно передает Вергилий, включивший вольный перевод этих строк в свою III Эклогу (Буколики, III.60-61):

Первый Юпитеру стих — все полно Юпитером, Музы!
Он — покровитель полей, он к нашим внимателен песням

(Пер. С. Шервинского).

5. **Мы ведь порода его** — слова, написанные, очевидно, под непосредственным влиянием клеанфова гимна Зевсу, где аналогичное утверждение (Клеанф, 4: «Мы — порода твоя...») выступает обоснованием божественного провидения, одного из главных следствий стоического пантеизма: люди — потомки бога, и в этом залог его отеческой заботы о них (ср. следующий за этим местом отрывок «Явлений»). Пятому стиху поэмы Арата суждено было стать одной из самых знаменитых цитат в истории европейской письменности — его буквально воспроизводит апостол Павел в проповеди на афинском Ареопаге (Деяния, 17.28): «Ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род»». Эта цитата свидетельствует как о широкой популярности «Явлений» в I в. н. э., так и о том, что аратова поэма уже к этому времени стала эталоном образованности — стоит лишь вспомнить, что апостол Павел обращается к ученой аудитории, в которую входят и «некоторые из эпикурейских и стоических философов» (Деяния, 17, 18).

14. **Вот почему...** — традиционный мотив, часто повторяющийся в эпической поэзии, см. например один из гомеровых гимнов Аполлону (XXI.3-4).

Также и сладкоречивый певец с многозвучною лирой
Первым всегда и последним тебя воспевает, владыка

(Пер. В. Вересаева).

16. **первых людей поколение** — букв. «предшествующее, первое поколение» (протέρη γενεή). Схолии дают этому стиху различные объяснения: для одних комментариев «сам он (т. е. Зевс) и есть первое поколение»; согласно другим, речь здесь идет о старших братьях Зевса Посейдоне и Аиде — ср. гимн Зевсу Каллимаха (I.58-59):

То-то и братья твои, пред тобой первородство имея,
Все же без спора тебе уступили небесные дома

(Пер. С. Аверинцева);

третьи полагают, что Арат говорит о своих предшественниках, древних астрономах. Лексически это место совпадает со ст. 144-145 «Трудов и дней» Гесиода, где рассказывается, что перед наступлением худшего, железного века существовал «божественный род мужей героев, кои именуются полубогами, — первое поколение на беспредельной Земле». Однако Арат в своем варианте повествования об ухудшении человеческого рода после золотого века (96-135) не упоминает о веке героев: упадок становится непрерывным. Это заставляет нас предположить, как пишет Ж. Мартен, что первое поколение у Арата — это «первые люди, жившие в те времена, когда Правда-Дике с радостью посещала Землю, и ставшие демонами после того, как освободился божественный огонь, часть которого составляли их души» [43, р. 11]. Для нынешних, людей они являются как бы ангелами-хранителями и проводниками божественного провидения.

18. Мотив обращения к божеству с просьбой помочь в прославлении высшего миропорядка заимствован Аратом, очевидно, у Клеанфа (36-39):

Дабы, сподобившись чести, мы честью тебе отплатили,
Славя деянья твои без устали, как и пристало
Смертным, понеже для них и богов нет более чести,
Нежели славить всечасно закон всеобщий во правде

(Пер. А. Лебедева),

19. **влекутся** — на протяжении всей первой части поэмы Арат неустанно подчеркивает круговое движение небосвода, поэтому многочисленные глаголы движения, вращения и т. п., применяемые к созвездиям и звездам, означают, как правило, не более чем их положение на небе.

24. **Остиями** — «Остие — жало, игла, шип, колючка на растениях // Полюс мира, земли, точки, означаемые сквозной осью, остием оси» (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2).

26. **Океаном** — здесь и далее, как сообщает схолий к этому стиху, Арат так называет горизонт. Он поэтически использует древнее мифологическое представление об Океане как реке, опоясывающей весь мир и составляющей его границы (ср. цитируемые в примечании к следующему стиху отрывки из Гомера).

27. «Возы» — как сообщает схолиаст, Арат обосновывает это древнейшее название Медведиц (αμᾶξι — «телеги», «возы», «колесницы») этимологической игрой: Медведицы называются Возами потому, что они движутся «связно, совместно с осью» (αμα – ἄξων). Германик в своем переводе дает другое объяснение (Явления, 26: «ибо их очертанья с повозкою сходны»). Первые два упоминания этого созвездия в греческой литературе встречаются у Гомера в «Илиаде» (XVIII.483-489):

Там представил он землю, представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомое, полный серебряный месяц,
Все прекрасные звезды, какими венчается небо:
Видны в их сонме Плиады, Гиады и мощь Ориона,
Арктос, сынами земными еще Колесницей зовомый;
Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыгся в водах Океана

(Пер. Н. Гнедича)

и «Одиссее» (V.271-275):

Руль обращая, он бодрствовал; сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в людях еще Колесницы
Имя носящей и близ Ориона свершающей вечно
Круг свой, себя никогда не купая в водах Океана

(Пер. В. Жуковского).

Со старым названием «Возы» связана и упоминаемая Гомером звезда «Воот» (в модернизированном произношении — «Боот»: βοώτης — «погонщик волов», «волопас»). Когда Колесница (Воз) стала называться Медведицей, Боот естественным образом получил название «Арктур» или «Арктофилак» (αρκτοῦρος, αρκτοφύλαξ — «страж Медведиц»). У Евдокса и Арата Арктофилак становится созвездием, а название «Арктур» сохраняется за звездой (см. ст. 92, 95).

33. **Дикте** — здесь, по мнению Страбона, в описание Арата вкралась географическая ошибка. Вот как он комментирует этот стих, описывая Крит: «...Прас принадлежал этеокритянам, почему здесь и было святилище Диктейского Зевса. Ведь Дикта находится неподалеку от него, а не «подле идейских отрогов», как говорит Арат. На самом деле Дикта находится от Иды на расстоянии 1000 стадий по направлению к восходящему солнцу, а от Самония — в 100 стадиях» [57, стр. 455] (Пер. Г. Стратановского).

35. **Куреты** — демонические спутники Диктейской богини, автохтонного божества, Крита, впоследствии этиологически связанного с Зевсом в единый мифологический комплекс.

37. **Гелика** (от *εἰσσω* – «вращать») – это, также древнее, название Большой Медведицы объясняется либо предполагаемым сходством созвездия с витой раковиной улитки, либо его обращением вокруг северного полюса.

44. **сидонцы** – т. е. финикийцы (Сидон – город на побережье Финикии),

49-54. Гиппарх [68, I.2.3] цитирует оригинальный текст Евдокса и ниже [68.I.4.2-3] опровергает его сообщение и стихотворную версию Арата: Медведицы действительно расположены по разные стороны, но не от изгиба тела Дракона, а от его хвоста.

62. Этот стих означает: «на той широте, где восходы звезд соединяются с их закатами». Дракон никогда не заходит, он лишь прикасается к горизонту в нижней точке своего обращения; ср. у Германика (Явления, 62):

Там, где восход и заход одного касаются круга.

69-70. Гиппарх, критически разбирая это сообщение Арата и Евдокса [68, I.2.6], отмечает, что в действительности на голове Дракона стоит не правая, а левая нога Коленопреклоненного. Германик, который почти всегда следует Гиппарху, исправляет Арата и здесь (Явления, 69):

Левой стопою главу попирает ужасного Змея.

Схолиаст, оправдывая Арата, утверждает, что прилагательное «правый» в этом отрывке должно быть отнесено к голове Дракона (что греческий синтаксис в принципе допускает), и тогда оно будет означать «более северный». Далее он пишет: «Следует знать, что повествование (Арата) в высшей степени разумно, ибо, если мы встанем лицом к движению Вселенной, то все, что окажется от нас по правую руку, будет севером, а по левую – югом. Поэтому «правый» означает «северный» в соответствии с природой».

79-80. Согласно Гиппарху, руки Змеедержца значительно более яркие, чем утверждает Арат [68, I.4.16-17].

90. Гиппарх [I.4.18] опровергает сообщение Арата о слабом свете созвездия Клепшней; на него ориентируется и Германик (Явления, 88-89):

Там, где Змея хребет прихотливым изгибом вознесся,
В небе созвездье Клепшней свое разливает сиянье.

92, 95. см. примечание к стиху 27.

96, слл. К вопросу об аратовой интерпретации мифа о поколениях, впервые рассказанного Гесиодом в «Трудах и днях», см. примечание к стиху 16.

105. **Правдой** – греч. *Δίκη* – «правда», «справедливость».

117. Этот стих отсутствует в переводе Германика и Авиена.

125-126. ср. тот же мотив у Гесиода (Труды и дни, 200-201):

... Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
Людам останутся в жизни. От зла избавленья не будет
(Пер. В. Вересаева).

132. По всей вероятности, это место повлияло на Вергилия (Георгики, II.536-538):

... раньше,
Чем нечестивый стал род быков для пиров своих резать,
Жил Сатурн золотой на земле подобною жизнью
(Пер. С. Шервинского).

138. Как показывает произведенный Ж. Мартеном [43, р. 30] анализ рукописной традиции, эта строка является позднейшей вставкой в текст (в частности, об этом свидетельствует ее

отсутствие во всех латинских переводах). В стихах 137 и 139 речь в самом деле идет о звезде, которая в позднейшее время (уже в эпоху Гиппарха) получила название «Виноградарь» (πρωτράνηρ — букв. «вестник сбора винограда») и ныне обозначается как ε Девы. Но у Арата эта звезда еще не имеет имени, как и звезды, описанные далее в стихах 141-146, — потому он и отводит ей специально несколько строк. Ж. Мартен пишет: «Следует отметить, что человеческая фигура, изображавшаяся на небесных глобусах времен Арата под именем Девы, не имела ничего общего с более поздними изображениями. Голова и плечи начинались гораздо дальше от Льва; это, между прочим, объясняет, каким образом она могла держать в руке Колос, ныне расположенный на высоте ее левого колена. Несколько позднее к ней присоединили, как это было сделано и с Большой Медведицей [см. примечание к стихам 141-146], некоторое количество безымянных звезд; фигура вытянулась, деформировалась, и, несомненно, именно тогда к ней прибавили крылья».

140. Речь идет о звезде, в настоящее время обозначаемой как α Гончих Псов; она, так же как и ε Девы, третьей звездной величины.

141-146. Три упоминаемые здесь звезды в эпоху Гиппарха составляли уже часть Большой Медведицы (ψ, φ и ο, все третьей звездной величины). Во времена Арата и Евдокса они еще не были включены в созвездия и не имели имен. Гиппарх сообщает: «Все древние изображали Медведицу состоящей только из семи звезд» [68, 15.6]. Для него семь звезд — это звезды Воза. Таким образом, в эту сравнительно позднюю эпоху, в процессе изменения облика небесных глобусов, появилось различие между созвездиями Воза и Большой Медведицы, еще не известное ни Евдоксу, ни Арату. Ж. Мартен убедительно показывает ошибочность утверждения К. Манициуса, будто Евдокс поместил звезду ο на морде Медведицы [43, р. 31]. В комментарии Гиппарха сохранилась цитата из самого Евдокса [68, I.2.3]: «Под головой Большой Медведицы находятся Близнецы, (под ее серединой — Рак), под задними лапами — Лев. Перед передними лапами Медведицы имеется (яркая) звезда, еще более яркая — под задними коленами, и еще одна — под задними лапами» (слова «под ее серединой — Рак», опущенные Гиппархом в этой цитате, восстановлены по двум другим фрагментам [68, I.5.1; I.5.6]). Итак, Арат, как всегда, остается верен своему образцу. В интересах поэтической организации текста он всего лишь изменил порядок изложения: ему требовалось найти естественный переход от созвездия Девы к Большой Медведице, а затем к перечислению окружающих ее созвездий: Близнецов, Рака и Льва.

142. **гадать не придется** — одна из любимых тем Арата — нахождение местоположения одних созвездий при помощи других или при помощи отдельных звезд. Примеры таких ориентиров дают стихи 160, 170, 186-187, 199, 229-230, 246-247, 248 и т. д.

147-148. Согласно критике Гиппарха [68, I.5.8], голова и передние лапы Большой Медведицы находятся на меридиане, проходящем через третий градус созвездия Льва; задние лапы почти касаются меридиана двадцать пятого градуса. Следовательно, Лев сам занимает собой почти все пространство. Поэтому невозможно утверждать, что Рак расположен «под средней частью» Медведицы.

150. Речь идет о поре жатвы, приходящейся на восходы Пса (Сириуса), т. е. с 26 по 30 июля.

164. **Зевса пророки** — селлы, о которых мало что известно кроме того, что сообщает о них Гомер (Илиада, 233-235):

Зевс Пеласгийский, Додонский, далеко живущий владыка
Хладной Додоны, где селлы, пророки твои обитают,
Кои не моют ног и спят на земле обнаженной!

(Пер. Н. Гнедича).

172. **Гиady** — это название произведено, очевидно, от слова υς — «свинья»; первоначально эта группа звезд изображалась в виде свиньи с четырьмя поросятами, и лишь позднее стала

частью созвездия Тельца. Другая этимология, производящая название «Гиады» от глагола $\upsilon\epsilon\iota\nu$ — «проливать дождь», менее правдоподобна, так как существует традиционное латинское название $suculae$ — «свинки». Гиады были известны уже в глубокой древности, о них упоминает Гесиод (Труды и дни, 615-616):

После ж того, как Плеяды, Гиады и мощь Ориона
Станут на западе, — помни, что время посева настало
(Пер. В. Вересаева).

Об именах Гиад Гесиод говорит в отрывке несохранившегося сочинения:

... Харитам подобные нимфы:
Пышновенчанная Клейя, Фэсила, за ней Коронида
И возделеемая Фэо с долгополой Евдорой —
Их на земле именует Гиадами род человеков.

177. Телец заходит быстрее Возничего потому, что он расположен ближе к югу. Гиппарх уточняет рассказ Арата [68, I.5.14-18]: только нижняя часть Возничего восходит одновременно с Тельцом или, скорее, даже чуть позже, а заходит она прежде Тельца; остальная часть восходит вместе с Овном.

179. **Иасида** — т. е. потомка Ио.

184-185. Согласно Гиппарху [68, I.2.11], эти линии в действительности не образуют равностороннего треугольника, потому что расстояние между ногами Кефея меньше двух других сторон. Германик снова руководствуется поправкой Гиппарха (Явления, 183-185):

... От левой ноги и от правой
Равно звезда отстоит, что Медведицы хвост завершает.
Меньше, чем путь до нее, расстояние между ступнями.

192-193. Это странное сравнение объясняется, очевидно, архаизаторскими наклонностями Арата. Речь идет о двустворчатой двери гомеровских времен, запиравшейся изнутри двумя поперечными брусками; ключ, вставленный в скважину, при повороте отталкивал один из них направо, а другой налево. Арат сравнивает Кассиопею с изображением ключа и двух запоров. Гомер так описывает подобную дверь (Илиада, XII.454-456):

... Ворота те были сплоченные крепко
Створы двойные, высокие; два изнутри их запора
Встречные туго держали, одним замыкаясь болтом
(Пер. Н. Гнедича).

215-216. Геликон — горный массив, расположенный между Копайдским озером и Коринфским заливом. На его восточном склоне берет начало источник **Гиппокрена** ($\iota\pi\pi\omicron\kappa\rho\eta\nu\eta$ — «Конский родник»), ниже которого в долине находилось знаменитое святилище Муз.

222. Феспийцы — жители Феспий, наиболее значительного города южной Беотии, расположенного в непосредственной близости от упомянутой вершины Геликона.

226. **кругов протяженнейших** — ср. схолий к этому месту: «во множественном числе он (Арат) как о наибольшем круге говорит об экваторе: это самый большой из всех кругов, потому что он делит пополам небесную сферу».

228-230. Гиппарх утверждает [68, I.6.7], что в действительности Овен превосходит яркостью пояс Андромеды.

231. **посреди попирает** — приведем комментарий схолиаста: «Смысл: движется посередине неба, так как он находится на экваторе. Помимо того, копь скоро глазу не

видны другие круги, кроме Млечного, (поэт) приводит здесь и прочие созвездия, которых касается экватор, например, оконечность скорпионовых Клешней».

233. **Есть невдали и другое** — схолий: «Поскольку из-за своей тусклости Овен трудноразличим, поэт пытается с помощью многих созвездий облегчить его распознавание».

239. **владения Нота** — т. е. южное полушарие.

250. **на северном круге** — в оригинале (попуск длиной 8-9 букв — *HF*), т. е. букв. «во владениях северного ветра». Ж. Мартен предлагает перевод «в северном полушарии», но это противоречит сообщению Арата о том, что Персей превосходит размером другие созвездия в данной области неба. Более удовлетворительным представляется объяснение, даваемое схолиастом: «Он (Персей) превосходит другие созвездия северного круга», и далее: «Он видится большим, чем другие созвездия его рода [т. е. связанные с ним одной мифологической историей] или же чем упомянутые выше, такие как Дельта, Овен, Андромеда, Рыбы, Кассиопея и сам Кефей».

253. **Пылью...** — схолиаст комментирует: «Около его (Персея) ног имеются облаковидные и пылевидные образования, ибо с ним соседствует Млечный круг». **По родителю Зевсу** — Арат пользуется здесь архаической метонимией: Зевс как божество неба — Зевс как само небо; в дальнейшем также слово «Зевс» нередко обозначает просто «небо» (260, 275, 293 и т. д.). Родителем Зевс приходится Персею в буквальном смысле.

254. Гиппарх [68, I.6.12] утверждает, что данное указание Арата ошибочно, так как левое колено Персея слишком удалено от Плеяд, чтобы служить ориентиром.

255. **Плеяды** — наряду с Орионом, Медведицами и Гиадами, одно из древнейших известных грекам созвездий, восход которого служил важной вехой в сельскохозяйственном календаре. Их упоминают уже Гомер (см. примечание к ст. 27) и Гесиод (Труды и дни, 383-387):

... лишь на востоке начнут восходить Атлантиды-Плеяды,
Жать поспешай; а начнут заходить — за посев принимайся.
На сорок дней и ночей совершенно скрываются с неба
Звезды-Плеяды, потом же становятся видными глазу
Снова в то время, как люди железо точить начинают
(Пер. В. Вересаева).

Плеяды были дочерьми титана Атланта (откуда их другое название — Атлантиды) и океаниды Плейоны. Название «Плеяды» происходит, по всей вероятности, от глагола *πλεῖν* — «плыть», так как их ранний восход весной отмечал начало навигации. Существовала также мифологическая этимология: как рассказывает Гесиод (Труды и дни, 619), Плеяд преследовал Орион, пока они не превратились в голубей, которых Зевс поместил на небо (ср. греч. *πελειάς* — «голубка»). Сохранился отрывок из утерянного сочинения Гесиода, где речь шла, вероятно, об этом мифе:

Смертные их, однако, зовут Голубками...

258. Согласно Гиппарху [68, I.6.14], внимательный наблюдатель в ясную и безлунную погоду вполне может различить все семь Плеяд.

270. **Неведомого Истукана** — созвездие «Тот на коленах» (см. ст. 66, 73-74).

276. **Вся целиком невзрачна она** — Гиппарх [68, I.6.15] опровергает Арата, говоря, что созвездие Лебеда содержит много ярких звезд, в том числе одну на хвосте.

286. **В месте, где Солнца...** — т. е. в точке зимнего солнцестояния, или на тропике Козерога.

295. Арат развивает здесь намеченную в стихах 110-111 мысль о том, что мореходство в каком-то смысле есть нарушение законов природы, и появление его связано с общей деградацией человечества. Германик в своем переводе еще сильнее акцентирует этот мотив (Явления, 295):

Года извечный закон безрассудство людей нарушает...

299. Анонимный автор «Трактата о возвышенном» (гл. 10) сравнивает эту строку с одним из стихов «Илиады» (XV.628):

... они из-под смерти едва ушлывают

(Пер. Н. Гнедича), –

и отдает предпочтение Гомеру. Сам образ корабельной доски как символа опасностей человеческого существования восходит, вероятно, к старинной поговорке и впервые в литературу был введен именно Аратом, вызвав множество подражаний у античных поэтов и писателей, например у Сенеки (Медея, 306-308):

Кто, в морях проложив ненадежный путь,
Между жизнью провел и гибелью грань —
Слишком тонкую грань из хрупких досок

(Пер. С. Ошерова);

у Ювенала (Сатиры, XII.57-59):

Вот и доверь свою жизнь ветрам, полагаясь на мачты
Да на борта: ты от смерти далек на четыре иль на семь
Пальцев, и то лишь тогда, если очень толсты эти доски

(Пер. Ф. Петровского);

у Диогена Лаэртия (в рассказе об Анахарсисе, I.8.103):

«Узнав, что корабельные доски толщиной в четыре пальца, он сказал, что корабельщики плывут на четыре пальца от смерти» (Пер. М. Гаспарова); а также у Овидия (Любовные элегии, II.11.25), Диона Хризостома (Речи, 64.II.331) и Сенеки Ритора (Контрверсии, III).

308-309. **достигает... Самой вершины небес** — т. е. кульминирует.

314-315. В названии созвездия Орла мы снова сталкиваемся с этимологической фантазией Арата (ср. примечание к стиху 27): $\alpha\eta\tau\alpha\iota$ («несется ветром») — $\alpha\eta\tau\acute{o}\varsigma$ («орел»). **Грозен** утренний восход Орла потому, что, как объясняет схолиаст, Солнце в это время находится в середине знака Стрельца, т. е. стоит декабрь — месяц морских бурь и морозов.

318. Эти четыре звезды образуют вершины параллелограмма.

331-332. Еще один пример игры слов: $\sigma\epsilon\iota\rho\acute{\iota}\alpha\epsilon\iota$ («пылает») — $\sigma\epsilon\iota\rho\acute{\iota}\omicron\varsigma$ («сириус»); см. комментарий к «Катастеризмам», гл. 33.

348. **ясонова** — т. е. построенная Ясоном.

349-350. Гиппарх [68, I.8.1] находит у Арата неточность: две яркие звезды созвездия Корабля, одна на палубе (κ), а другая на киле (β), расположены достаточно далеко на восток от мачты — как раз там, где, по Арату, никаких звезд нет.

355-356. **фракийского** — см. комментарий к трактату Псевдо-Теофраста, гл. 35. В этих стихах названия ветров служат просто для обозначения полушарий: Арат стремится оправдать «противоречие», состоящее в том, что два созвездия, связанные одним мифом, находятся в разных полушариях.

359. под ногами богов — т. е. у самой границы неба и Земли.

360. Эридан, согласно Гесиоду (Теогония, 338), – река, рожденная Океаном и Тефидой, расположенная на крайнем западе.

реки многослезной – считалось, что Эридан богат янтарем. Аполлоний Родосский (Аргонавтика, IV.600-618) рассказывает, по этому поводу два мифа: в янтарь превратились то ли слезы Гелиад, оплакивавших гибель в Эридане своего брата Фаэтона, то ли слезы Аполлона, горевавшего об Асклепии (см. «Катастеризмы», гл. 6 и комментарий).

370-385. Гиппарх [68, I.8, 9, 13] приводит к этим стихам обширную цитату из комментария Аттала, который, против обыкновения, в данном случае упрекает Арата в повторах и «неспособности к внятному изложению». Недоумение Аттала понятно: мы ожидали бы в этом отрывке объяснения, почему описываемые здесь звезды не составляют никакого созвездия, а вместо этого Арат рассказывает, как и зачем вообще были изобретены созвездия. В действительности подобные отступления у Арата – не редкость, достаточно вспомнить отступление о золотом веке в рассказе о созвездии Девы или миф о Гиппокрене в стихах 216-224. Как и другие отступления, история созвездий нужна Арату для того, чтобы напомнить читателю о главном предмете поэмы – божественном провидении, постепенно открывающемся людям через знаки. Гиппарх также находит это место затруднительным, и, полагая, что Аттал неверно понял Арата, предлагает другое решение. Он производит небольшие изменения в тексте и получает следующий смысл: описываемые здесь звезды не слагают никакого созвездия, потому что их расположение не напоминает никакой определенной фигуры; но древние астрономы и не могли сгруппировать в созвездия все вообще светила на небе, так как многие из них расположены отдельно и далеко друг от друга. Хотя толкование Гиппарха, как показывает Ж. Мартен [43, р. 55-60], несомненно основывается на насилии над грамматикой, Германик, как и другие латинские переводчики Арата, и в этом случае слепо следует его исправлениям (Явления, 376-378):

Между знакомыми нам созвездьями в небе немало
Россыпей видно огней безымянных, не связанных в облик
Внятный.

401. Речь идет о созвездии Южной Короны, во времена Арата еще не имевшем названия.

405. Гиппарх [68, I.8.15] понимает выражение Арата «напротив Арктура» слишком буквально, в том смысле, что Жертвенник удален от южного полюса на столько же, на сколько Арктур – от северного, и на этом строит свою критику: средняя широта звезд Жертвенника – 46° от южного полюса, а Арктур отстоит от северного полюса на 59°. В действительности звезда, диаметрально противоположная Арктуру, находится на втором после груди позвонке Скорпиона [43, р. 61].

431. Согласно Гиппарху [68, I.8.18], Кентавр почти весь целиком расположен под Девой, а не под Скорпионом и Клепшнями. Помимо того, Арат не указывает, о каком плече Кентавра он говорит. Германик исправляет текст по Гиппарху (Явления, 416-418):

... Облик слагают людской под Весами, светящими ярко,
Но различишь скакуна в очертании ясном лопаток,
Ребер и ног, что видны вблизи целомудренной Девы.

501-506. Гиппарх делает следующее замечание [68, I.2.20]: «Все остальное согласуется с наблюдениями, однако звезды, расположенные на жале Скорпиона, находятся южнее зимнего тропика более чем на 8 градусов. Вернее будет сказать, что на зимнем тропике лежит середина Скорпиона».

515. Согласно Гиппарху [68, I.10.18], Арат допускает ошибку: Овен весь целиком лежит к северу от экватора, кроме звезды, расположенной на его задних ногах.

полным восходом Льва [43, р. 82]), но и Раку (первый градус Льва). Река восходит противоположно Деве (первый градус Клешней).

607-633. Восход Клешней. Согласно Гиппарху [68, II.2.45-50], у Кентавра первым восходит не хвост, а левое плечо; он поднимается не с первым градусом Клешней, а с первым градусом Скорпиона. У Андромеды заходит не только голова, но и руки; Кит восходит противоположно первому градусу Девы, а не Клешней; у Кефея заходит только голова, причем заход этот происходит только с первым градусом Скорпиона.

634-664. Восход Скорпиона. Исправления Гиппарха [68, II.2.52-55]: Зверь восходит вместе не только с Клешнями (первый градус Скорпиона [43, р. 86]), но и с первым градусом Стрельца. У Змеедержца только левая рука, восходит с Клешнями, а голова и правая рука со Скорпионом (первый градус Стрельца).

658. **Дорида и Панопа** – имена Нереид; см. «Катастеризмы», гл. 16 и комментарий к гл. 31.

669-682. Восход Стрельца. Согласно Гиппарху [68, II.2.56-61], левая рука Коленопреклоненного восходит с Клешнями (первый градус Скорпиона), а не со Скорпионом (первый градус Стрельца). Плечи и грудь Кефея вообще не восходят и не заходят. Персей заходит целиком с восходом Скорпиона (первый градус Стрельца), в том числе его правая стопа и колено.

683-692. Восход Козерога. Гиппарх [68, II.3.1-3]: крайние звезды правого крыла Лебеда восходят в то же время, что и последние звезды Клешней, а звезда на краю его левого крыла восходит над горизонтом с двадцать вторым градусом Стрельца.

693-700. Восход Водолея. Гиппарх [68, II.3.4-10]: с Водолеем восходят не только голова и ноги Коня, но также плечи и грудь; голова Гидры начинает заходить противоположно последним градусам Стрельца, а не Козерогу (первый градус Водолея).

700-708. Восход Рыб. Гиппарх [68, II.3.11-17] пишет, что Арат ошибается, говоря, что Гидра целиком заходит противоположно Водолею; он напрасно отступает от текста Евдокса, справедливо утверждавшего, что ее хвост остается над горизонтом. Другие ошибки: задняя часть Кентавра еще не заходит; большая часть Южной Рыбы восходит только с первым градусом Овна; Андромеда восходит не с Водолеем и Рыбами, а с Козерогом и Водолеем.

709-713. Восход Овна. Гиппарх полагает [68, II.3.18-32], что сомнение Арата по поводу точного времени восхода пояса Персея (ст. 712-713) имеет причиной не реальные трудности наблюдения, а то обстоятельство, что Евдокс в двух своих трудах («Явления» и «Зеркало») высказал соответственно две различные точки зрения. На самом деле Персея уже видно над горизонтом всего целиком, кроме правого колена и ступни, когда Овен еще не взошел.

713-725. Восход Тельца. Гиппарх [68, II.3.33-36]: Арат и Евдокс ошибочно полагают, что только левая часть Возничего восходит в то же время, что и Овен (первый градус Тельца): его правое плечо поднимается в небо одновременно с двадцать вторым градусом Овна, а самая южная из звезд его головы – вместе с Рыбами. Кит начинает восходить с Рыбами, и во время восхода Овна он виден уже почти целиком, а не только до хвоста.

721. Арктофилак начинает заходить одновременно с восходом Тельца, но для полного (за исключением левой руки) захода ему требуется время, достаточное для восхода четырех знаков Зодиака. Гиппарх утверждает [68, I.3.37], что это ошибка: Волопас начинает заходить одновременно с восходом не Овна, а Тельца (ср. примечание к ст. 569-589).

730-731. Примечание Ж. Мартена [43, р. 97-98]: «Моряк ждет Ориона, чей сияющий восход сообщит ему, что Рак появляется над горизонтом. Это напоминание об Орионе замыкает круг (ср. 586-589); в то же время Арат вновь подчеркивает практическую цель законченного им долгого повествования: определение часов ночью по звездам».

732. Напоминание о главной теме поэмы.

733. В этом и следующих стихах (до ст. 757) Арат излагает две различные системы календарного счета: счет времени по лунным фазам и по положениям Солнца в созвездиях Зодиака. Главная цель составления календаря заключается в том, чтобы найти целое число дней, позволяющее согласовать лунные месяцы с солнечными годами. Одной из таких календарных систем был восьмилетний цикл, или октаэтериды, принятый впервые в VI в. до н. э. в Малой Азии. Однако этот цикл, состоявший из пяти обычных лет по двенадцать месяцев и трех дополненных лет по тринадцать месяцев, был несовершенен, так как он оказывался на полтора дня длиннее, чем восемь солнечных лет. В 432 г. до н. э. афинский астроном Метон взамен октаэтериды предложил усовершенствованный 19-летний цикл, состоявший из 110 месяцев по 29 дней и 125 месяцев по 30 дней, всего 235 месяцев или 6940 дней. О согласии между лунным и солнечным календарем, достигнутом в 19-летнем цикле, говорит Арат в ст. 752-753. После Метона эту систему улучшали Каллипп в 330 г. до н. э. и Гиппарх в 125 г. до н. э. Практически 19-летний цикл использовался при составлении народных календарей, содержавших прогнозы погоды (парапегмы, см. комм. к трактату Псевдо-Теофраста) [80, с. 24-26].

С этого стиха в античных изданиях начиналась новая нумерация строк поэмы; здесь берет начало ее вторая основная часть – «Предсказания по приметам» (Προϋνώσεις διὰ σημείων), в которой поэт детально описывает все многочисленные знаки, установленные на небесах Провидением в руководство человеку. Хотя в начале этой части (ст. 769-772) Арат повторяет стоическую концепцию направленных благодетелей божества (ср. комм. к ст. 1-18), тем не менее в изложении примет он пользуется перипатетической систематизацией явлений, а не астрономической традицией, связывавшей перемены погоды с восходами и заходами светил и пришедшей к представлению о «воздействии» звезд на земную жизнь (см. комм. к трактату Леонтия «О Зодиакальном круге», гл. 1). Вопрос о соотношении между этой частью поэмы и трактатом Псевдо-Теофраста «О приметах» разобран в комментарии к последнему, там же приводятся параллельные места из XVIII книги «Естественной истории» Плиния Старшего. С текстом «Предсказаний» Арата нередко перекликаются стихи из I книги «Георгик» Вергилия. По всей видимости, Вергилий опирается на тот же общий источник, что и Арат и автор трактата «О приметах»; а временами он почти дословно пересказывает Арата [92]. Отдельные цитаты из «Георгик», иллюстрирующие Арата, приводятся ниже.

Общую характеристику метеорологии Арата специально для настоящего издания любезно согласился дать проф. А. Х. Хргиан.

О метеорологических замечаниях Арата

Вместе с астрономией наука о погоде, вероятно, одна из старейших областей человеческого знания. Смена времен года, изменчивость ветров, приход дождей или засух заставили человека вести наблюдения погоды, вывести из них первые приметы погоды, дабы приспособить к ней свою несложную хозяйственную деятельность.

Почему интересны старые литературные памятники, рассказывающие об атмосферных явлениях?

Они помогают понять, как по частицам складывалось у человека познание природы. Далее, они говорят об уровне развития, о культуре эпохи, в которую были созданы. И наконец, они могут сообщить сведения о климате, менявшемся, как мы знаем, с тысячелетиями.

Творения Арата донесли до нас наблюдения и мысли жителей Средиземноморья, нации земледельцев и мореходов, которым приходилось следить за всем, что может повлиять на урожай и что может быть опасно при плаваниях по изменчивому и порой грозному морю.

Тексты Арата обнаруживают внимательного наблюдателя явлений природы в их совокупности — явлений неба, атмосферы и живого мира. В этом он продолжает традиции своих великих предшественников — Аристотеля и Теофраста. Его заботит возможность открыть «знаки для предсказания» погоды, повторяя термин Теофраста. Арат обращает внимание и на изменчивость моря, его прибой и волн. Описание зимних бурь, типичных для северного Средиземноморья, подсказывает нам, что их наблюдения были сделаны именно в этом районе, а не в Малой Азии. Впрочем, Арат замечает, что все еще мало знает о «знаках погоды» и что Зевс иногда не позволяет предвидеть приход непогоды.

Оптические явления на небе всегда были излюблены для местных прогнозов. «Багряная Луна» и ее «пламенеющий круг» с легкой руки Арата вошли и в позднейшие, в том числе средневековые, приметы о погоде. Очень важно его указание, что «если Луну окружает полный круг, рдеющий со всех сторон, он предвещает жестокую бурю». Это описание явления гало (с его, как известно, красноватым внешним краем), наблюдаемого обычно в передней части облачной системы циклона. Замечательно и наблюдение паргелия — побочного Солнца, указывающего довольно точно, откуда атмосферный поток несет покров перистых облаков, опять-таки обещающий ненастье.

Арат правильно отмечает, как важно наблюдать Солнце на восходе и особенно на закате. Опыт подсказал ему, что погода идет, так сказать, чаще всего с запада. Он знал уже, что чистое Солнце на западе — признак сохранения хорошей погоды и что «лучи, бьющие на юг и на север», обнаруживают скопление плотных облаков под горизонтом. Оно, очевидно, бывает признаком приближающегося холодного фронта, дождей и дней, когда «Солнце медлит появиться». Интересно и упоминание «рева горных вершин» — усиления ветра на высотах как признака близкого ненастья. Ценно и замечание, что «знаки» годны лишь на ограниченный «срок времени».

Мы, конечно, не примем буквально рассказ о том или ином, вертикальном или косом, положении рогов Луны в преддверии изменений погоды. Эти замечания скорее говорят о сезонном факторе. «Отвесные рога» — плохой признак по Арату — свойственны зимнему, высокому над горизонтом небесному пути Луны, в сезон наиболее изменчивой и неблагоприятной погоды. Суда рыбаков той эпохи выходили в море нередко и в этот сезон, а зимние штормы тех времен в Средиземноморье, вероятно, мало отличались от современных.

Сведения о явлениях погоды, какие мы встречаем у античных авторов, отмечают и опыт в наблюдениях, и способность к обобщению, и уровень культуры той эпохи.

А. Х. Хргиан

740. Луна указывает тот или иной день месяца, а Солнце — время года. Именно такое значение имеет упоминание о «ночах предельной длины», т. е. о наибольшей и наименьшей ночи, которые наступают вместе с двумя солнцестояниями.

743. С этим местом можно сравнить следующие стихи Вергилия (Георгики, I.252-253):

Так нам возможность дана предсказать по неверному небу
Смены погоды, и дни для жнитва, и время для сева...

(Пер. С. Шервинского)

754. Пояс Ориона и, с другой стороны, оконечность его созвездия отмечают пределы «великого года», т. е. 19-летнего цикла Метона (ср. упоминание о великом годе в ст. 741). Вероятно, первым явлением, занесенным в календарь Метона, был восход пояса Ориона, а последним — восход ног Ориона и восход Сириуса [43, р. 103-104]. Анонимный автор схолия так комментирует этот стих (правда, не отдавая себе отчета в том, что речь идет не об обычном годе, а о цикле): «Начало года есть восход Ориона, а конец — восход орионовых ног и Пса».

773-777. В этих стихах Арат намечает план дальнейшего повествования: стихам 774-775 соответствуют ст. 799-818, стиху 776 — ст. 819-889.

783. Начальные буквы этого и следующих четырех стихов складываются в акростих λεπτή, что в данном случае означает «круторогая»; другое значение этого прилагательного, обыгрываемое здесь Аратом, — «изысканный» (см. вступительную статью).

Вергилий передает приметы, связанные с Луной, в более сжатом виде (Георгики, I.424-435):

Если ты будешь следить за солнечным зноем и сменой
Лун, чередой проходящих, тебя никогда не обманет
Завтрашний день, не введут в заблуждение прозрачные ночи.
Если, когда народясь, луна пламенеть начинает,
Тусклым серпом ее круг в пространстве черном охвачен, —
Ливня великого ждать тогда земледельцам и морю.
Если же лик свой зальет румянцем девическим, будет
Ветер — при ветре всегда золотая краснеет Селена.
Коль по четвертому дню (одно из важнейших гаданий)
Чистая небом идет и ее не приглушены рожки,
В этот, стало быть, день и в те, что за ним народятся,
Месяц весь до конца ни дождя не случится, ни ветра.

(Пер. С. Шервинского)

785. Ср. трактат Псевдо-Геофраста, § 12 (далее указывается только параграф).

788-798. § 27.

805. § 6.

811. § 31; ср. § 51.

819. Вергилий (Георгики, I.438-449) также сообщает приметы, извлекаемые из наблюдений Солнца. 824. § 50.

828-831. § 26.

834-839. Аналогичные сведения сообщает Вергилий (Георгики, I.450 сл.).

850. § 50.

856. § 11.

862-865. § 13.

866-868. § 10.

869-871. § 11.

877-879. § 22.

881. О паргелиях говорит автор псевдо-геофрастова трактата в § 22; ср. § 29 в параллель к ст. 889.

892. О Яслях дважды говорит автор «Примет» (§ 23, 43).

909-912. Псевдо-Геофраст, § 29, 31. О звуках на побережье упоминает и Гомер (Илиада, XVII.263-265):

Словно как в устьях реки, от великого Зевса ниспадшей,
Вал, при истоке, огромный ревет, и высокие окрест
Воят берега от валов, изрыгаемых морем на сушу...

(Пер. Н. Гнедича)

913-915. §28; там же параллель к ст. 918.

920. § 35; не следует сблизжать это место с § 45, где речь идет о примете бури [43, р. 122].
921. § 37; о том же говорит Вергилий (Георгики, I.368 – -370).
922. Ср. Гомер (Илиада, XIV.16-19):
 Словно как море великое зыбью немую чернеет,
 Предзнаменуя нашествие быстрое шумного ветра,
 Только чернеет, еще ни сюда, ни туда не колышась,
 Ветер доколе решительный, посланный Зевсом не снидет...
- (Пер. Н. Гнедича)
924. Тексты Арата и Псевдо-Геофраста (§ 32) особенно близки в этом месте.
926. О падающих звездах см. § 13 и 37; ср. Вергилий (Георгики, I.360-362).
- 933-936. Ср. о молниях Псевдо-Геофраст, § 21; Вергилий (Георгики, I.370-372).
939. § 13. 940. § 22. 942-945. § 15; Вергилий (Георгики, I.383-385).
948. Перевод слова ολόλυγόν как «лягушка» основан на сопоставлении с рядом греческих текстов, прежде всего Аристотеля (История животных, IV.9), а также Плиния Старшего (Естественная история, XI.37), где этим словом обозначается крик самца зеленой лягушки; ср. Псевдо-Геофраст, § 42, комм.; § 15.
- 949-953. § 16; ср. Вергилий (Георгики, I.386-389).
956. О муравьях см. § 22.
957. § 19. 959. § 42.
960. § 17.
- 963-972. § 16.
970. § 18.
975. Об укусах мух см. § 23.
976. О нагаре см. § 14 и параллельные места в примечании к этому месту; также Вергилий (Георгики, I.390-392).
981. § 17.
- 983-984. Об искрах см. § 19 и прим.
985. §25, 42.
- 988-993. О горах см. §51 и параллельные места в комментарии.
996. См. примечание к ст. 892.
- 999-1003. § 54, 52, 53; Вергилий (Георгики, I.402-403).
- 1010-1012. О журавлях см. § 52.
1018. § 45.
- 1021-1026. § 39, 40.
1022. Ср. один из сохранившихся фрагментов Гесиода [fr. 171 Rz.]:
 Девять людских поколений живет крикунья ворона,
 Старцев-людей...
1028. § 46; ср. сообщение о пчелах Вергилия (Георгики, IV.191-194):
 Если же дождик навис, они от жилища далеко
 Не отлетают; коль Эвр грозит, не верят погоде,

Рядом, у стен городских, осторожные, по воду ходят,
Лишь на короткий полет решаясь...

(Пер. С. Шервинского)

1031-1032. § 38.

1033. § 29.

1035-1036. § 23.

1037-1038. § 42; здесь же параллели к ст. 1039.

1041. § 25.

1044. § 45.

1051. § 55.

1064. § 47.

1068. Аналогичная примета в § 25, ср. § 54, 40.

1075-1081. § 38.

1082. § 41. 1092. О кометах см. § 34, 57 и прим.

1094-1100. § 17.

1103. Еще одно напоминание об ограниченности человеческих знаний и о необходимости
искать откровения свыше (ср. ст. 769-773).

1112. Ср. Гомер (Одиссея, XIV.35-36):

Крикнув на бешеных псов, чтоб пугнуть их, швырять он большими
Камнями начал...

(Пер. В. Жуковского)

1113-1117. § 15, 41, 54.

1123. § 49.

1124-1128. § 46.

1132. § 41.

1135-1136. § 42.

1148-1152. § 5.